
Злоупотребления системой уголовного правосудия по политическим мотивам в государствах—участниках Совета Европы

Доклад: Комитет по правовым вопросам и правам человека

Докладчик: г-жа **Сабине Лойтхойссер-Шнарренбергер** (Германия, Альянс либералов и демократов Европы)

Краткое изложение

Комитет по правовым вопросам и правам человека рекомендует принятие ряда мер, направленных на укрепление независимости судей и прокуроров во всех странах Европы и прекращение вмешательства в индивидуальные дела по политическим мотивам.

В проекте резолюции раскрываются возможные способы вмешательства политических деятелей в ход уголовного разбирательства в четырех странах, представляющих основные типы систем уголовного правосудия в Европе, анализируются резонансные дела, например, прекращение следствия по факту мошенничества в отношении компании British Aerospace и скандал «деньги в обмен на титулы», связанный с приобретением мест в палате лордов в Соединенном Королевстве в обмен на займы, предоставляемые правящей партией, или второй судебный процесс по делу Ходорковского и дела инвестиционного фонда HSBC/«Эрмитаж» и дело об убийстве Анны Политковской в Российской Федерации.

В числе прочего Комитет призывает:

[...]

- в Российской Федерации – к проведению ряда реформ, направленных на снижение политического и иерархического давления на судей, а также на то, чтобы положить конец преследованиям адвокатов обвиняемых, с целью противостоять «правовому нигилизму» в Российской Федерации, в том числе в качестве предварительного необходимого условия для успешного сотрудничества между правоохранительными органами России и других стран Европы.

А. Проект резолюции

---

1. Парламентская Ассамблея подчеркивает основополагающее значение для правового государства и защиты свободы личности охраны системы уголовного правосудия во всех странах Европы от вмешательства, осуществляемого по политическим мотивам.

2. Успешное сотрудничество между государствами – участниками Совета Европы в сфере уголовного правосудия (по таким вопросам, как экстрадиция и получение доказательств, о чем говорится в соответствующих конвенциях Совета Европы) зависит от взаимной уверенности в основополагающей справедливости систем уголовного

правосудия всех государств - участников и в отсутствии политически мотивированных злоупотреблений.

3. Независимость судебной системы как по закону, так и на практике представляет собой основную линию защиты от таких злоупотреблений.

3.1. Принцип независимости судов и каждого отдельного судьи в принципе признается во всех государствах—участниках Совета Европы. Этот принцип также должен быть отражен в их конституциях. Подлинная независимость судей также требует ряда правовых и практических гарантий, в том числе:

3.1.1. набор и продвижение по службе судей должны осуществляться исключительно на основании заслуг (квалификации, честности, способностей и эффективности работы);

3.1.2. защита от несправедливых дисциплинарных санкций (в частности прекращения полномочий судей) должна быть эффективной;

3.1.3. зарплаты и пособия должны позволять судьям и их семьям не зависеть от предоставления жилища и других удобств органами исполнительной власти;

3.1.4. независимость судей по отношению к председателям судов и судей судов высшей инстанции должна быть защищена, в том числе посредством распределения дел на основании предустановленных объективных систем, строгими правилами, защищающими снятие судей с рассмотрения конкретных дел без причин, ясно определенным в законе; кроме того, оценка работы судьи не должна определяться на основании процента решений, оставленных в силе или отмененных судами высшей инстанции.

3.2. Прокуроры должны иметь возможность осуществлять свои функции без вмешательства со стороны политической сферы. Они должны быть защищены от попыток дачи инструкций, относящихся к отдельным делам, по крайней мере, в тех случаях, когда такие инструкции способны помешать передаче расследуемого дела в суд.

3.3. В целях достижения эффективности практических гарантий независимости судебной власти сильный совет судей мог бы играть важную роль в осуществлении надзора за реализацией принципа судебной власти.

3.3.1. Советы судей должны иметь решающее влияние в отношении набора и продвижения судей и прокуроров, а также в том, что касается применяемых к ним дисциплинарных мер, без ущерба для любых механизмов судебного пересмотра, предусмотренных в конституциях некоторых государств.

3.3.2. Число выборных представителей судейского и прокурорского корпуса должно быть по крайней мере равно числу членов, представляющих другие группы общества и назначенных органами политической власти. Эти последние должны быть представителями всех основных политических течений, существующих в стране. Существующая практика, которой следуют многие государства, - вовлекать парламентские комитеты в процесс назначения некоторых судей высшего ранга, - и которая также используется при избрании судей в Европейский Суд по правам человека, - также приемлема.

3.4. Разделение труда между судейским и прокурорским корпусом – это вопрос национальных правовых традиций.

Правильный баланс, который бы обеспечивал наилучшую защиту от вмешательства по политическим мотивам, зависит в том числе от степени независимости, предоставленной органам прокуратуры, а также от процессуальных прав и материальных ресурсов, имеющихся у защиты.

3.4.1. В таких странах, как Великобритания и Италия, где органы прокуратуры пользуются высокой степенью независимости, а сторона защиты имеет доступ к материалам дел и к подозреваемому на ранней стадии, роль судей может быть безопасно ограничена правовым надзором и вынесением окончательного решения.

3.4.2. В таких странах, как Франция и Германия, где органы прокуратуры более тесно вовлечены в систему иерархических отношений, судьи и адвокаты должны иметь возможность играть более активную роль в том числе и во время следствия.

3.5. Успех любых изменений в системе, например, планируемой отмены функции *juge d'instruction* (судья-следователь) во Франции или усиления в Германии *Bundesanwaltschaft* (прокуратуры) в соответствии с недавно принятыми законами о борьбе с терроризмом, зависит от поддержания правильного равновесия между акторами, пользующимися полной независимостью (судейским и адвокатским корпусом), и органами прокуратуры и полиции. Такие реформы могут потребовать увеличения степени независимости органов прокуратуры с целью обеспечить общую независимость системы уголовного правосудия и защитить ее от вмешательства по политическим мотивам.

4. Ситуация в четырех странах, рассмотренных в качестве примеров основных типов систем уголовного правосудия в Европе – Соединенное Королевство (Англия и Уэльс), Франция, Германия и Российская Федерация – характеризуется следующими факторами:

[...]

4.3. В Российской Федерации:

4.3.1. значительное улучшение в социальном статусе судей и прокуроров за последние годы практически устранило их зависимость от органов исполнительной власти в отношении жилья и других основных нужд и должно способствовать сокращению коррупции в судебной среде;

4.3.2. законодательные реформы, учитывающие европейские стандарты, в том числе создание федерального совета судей, отвечающего за карьерные и дисциплинарные вопросы, помогли укрепить статус судей, предусмотренный законом;

4.3.3. создание отдельного Следственного комитета в рамках Генеральной прокуратуры со временем может до некоторой степени ослабить подавляющее влияние последней на процесс уголовного правосудия;

4.3.4. традиционно подбострастная (подчиненная) позиция среди многих судей и прокуроров, унаследованная от прошлого, до сих пор не полностью преодолена; напротив, после обнадеживающего нового начала в начале 1990 г., судьи подвергаются все большему давлению, направленному на обеспечение вынесения обвинительных приговоров по практически всем делам, переданным в суд органами прокуратуры;

4.3.5. к векторам давления по-прежнему относятся неофициальные методы старого стиля, в частности так называемая «телефонная юстиция», а также официальные механизмы оценки деятельности и дисциплинарные механизмы. Число судей, отстраненных от должности по различным основаниям, довольно высоко. Председатели судов обладают несоразмерно большой властью над каждым судьей, в частности потому, что они обладают полномочиями принимать решения о распределении дел. Правовая защита для судей, которые сопротивляются такому давлению, весьма ограничена, поскольку советы судей еще не выработали достаточной независимости и авторитета;

4.3.6. независимые адвокаты часто подвергаются обыскам и конфискациям и иным формам давления в нарушение правовых положений российского и европейского законодательства;

4.3.7 ряд резонансных дел, например второй процесс по делу М. Ходорковского и П. Лебедева, разбирательство в отношении управляющих и юристов инвестиционного фонда HSBC/«Эрмитаж», расследование по делу об убийстве Анны Политковской, уголовное дело в отношении Юрия Самодурова и отстранение от должности судьи Кудешкиной и некоторых других судей, вызывают обеспокоенность в связи с тем, что битва против «правового нигилизма», объявленная президентом Медведевым еще отнюдь не выиграна;

4.3.8. парламент и средства массовой информации все еще не предоставляют достаточных гарантий в отношении злоупотреблений, хотя некоторые недавно имевшие место открытые дискуссии в некоторых СМИ дают основания надеяться на будущее.

5. Отмечая, что системы уголовного правосудия всех государств – участников подвержены возможности вмешательства по политическим мотивам, хотя и в весьма различной степени:

5.1. Ассамблея призывает все государства– участники:

5.1.1. продолжать укреплять независимость судебной власти и равенство сторон между обвинением и защитой, в первую очередь посредством предоставления достаточных ресурсов судебной системе, в том числе юридической помощи, предоставлением значительных процессуальных прав адвокатам обвиняемых, в том числе и во время предварительного следствия, и укрепления самоуправления судебной власти;

5.1.2. обеспечить, чтобы органы, отвечающие за принятие решений об экстрадиции и другие виды судебного сотрудничества, принимали во внимание степень независимости судебной власти в государстве, обращающемся с запросом, как на практике, так и в соответствии с законом, и отказывали в экстрадиции во всех случаях, когда имеются причины считать вероятным, что по политическим причинам данному лицу не будет предоставлено справедливое разбирательство в данном государстве;

[...]

7. Ассамблея полагает, что Комитету министров следует пересмотреть конвенции Совета Европы в сфере правового сотрудничества с целью обеспечить невозможность злоупотребления ими в целях привлечения к уголовной ответственности по политическим мотивам, до тех пор, пока одинаковый уровень независимости судебной власти не будет достигнут в соответствии с законодательством и на практике во всех государствах - участниках Совета Европы.

8. Наконец, Ассамблея призывает Европейский Суд по правам человека рассмотреть возможность предоставления приоритета жалобам, которые относятся к предполагаемым нарушениям независимости судей и злоупотреблениям системой уголовного правосудия по политическим мотивам. Ввиду основополагающей важности независимых судебных органов для защиты прав человека на национальном уровне, этот принцип мог бы помочь сократить поток жалоб в Европейский Суд.

[...]

II. Поездки в Лондон, Париж, Москву и Берлин с целью установления фактов: сбор соответствующей информации о четырех различных видах систем уголовного правосудия

4. Как было заявлено во вводном меморандуме, я использовала классификацию систем уголовного правосудия в Европе, основанную на том, в какой степени они опираются на преимущественно «состязательную» или преимущественно «следственную»² систему судопроизводства – при этом моя рабочая посылка состоит в том, что элементы «состязательности» предоставляют большую степень иммунитета от политически мотивированного или иного вмешательства в нарушение закона. Этот подход я нашла весьма полезным и вносящим некоторую упорядоченность в изучение разнообразных систем уголовного судопроизводства в Европе. Эти системы можно разделить на четыре отдельные группы: первая - по преимуществу состязательные, вторая - по преимуществу следственные, третья – представляющая собой сочетание следственных и состязательных элементов, и, наконец, четвертая – которая, каковы бы ни были ее формальные характеристики, на практике находится под серьезным влиянием советской правовой традиции.

5. Системы, получившие название «состязательных», - это те, в которых стороны – обвиняемый (или, как правило, его адвокат) и представитель публичного обвинения – несут ответственность за подготовку дела к судебному рассмотрению, а судья или заседатель действует в качестве арбитра, как на футбольном матче, обеспечивая соблюдение правил игры (процессуальных требований) и вынося решение (или осуществляя контроль за решением присяжных) о виновности или невиновности обвиняемого исключительно на основании доказательств, представленных сторонами. В таких системах существующие гарантии независимости судебной власти и активная роль, которую играют адвокаты защиты, рассматриваются как необходимые гарантии в отношении возможных злоупотреблений властью со стороны исполнительных органов. Одной из слабых сторон этой системы является ее опора на качество и ресурсы, находящиеся в распоряжении представителей противных сторон.

6. Следственные системы – это такие, в которых судьи играют доминирующую роль как в отношении расследования и вызова и опроса свидетелей в судебном разбирательстве, при этом обвинение и адвокаты защиты играют в разбирательстве лишь вспомогательную роль. Такие системы основаны на предпосылке, что, в результате наличия гарантий независимости судебных органов, судебной системе в целом можно доверять в том, что она проведет нейтральное расследование, которое поможет установить истину. Эта предпосылка не всегда выдерживает тщательную проверку.

7. В результате определенного беспокойства на национальном уровне в соответствующих странах эти широкие системы претерпели некоторую адаптацию. Беспокойство было вызвано в первую очередь ролью, которую играет т. н. *juge d'instruction* (судья-следователь) на стадии проведения расследования в системах следственного типа; в конце концов, качества судей могут так же, как и качества представителей сторон в состязательном процессе, оставлять желать лучшего. Адаптация также была мотивирована требованиями Европейской Конвенции по правам человека, которая, без всякого сомнения, устанавливает определенные требования к состязательности в ст. 6, в первую очередь в том, что касается равенства сторон.

---

² См., например, A. Sanders and R. Young, *Criminal Justice*, 3rd ed, 2007, p. 11.

8. Важное отличие между системами уголовного судопроизводства является преобладание или отсутствие т. н. «принципа законности», согласно которому власти обязаны возбуждать уголовное преследование в отношении любых преступных деяний, о которых им становится известно. В альтернативной системе дискреционными полномочиями обладают судебные органы («принцип возможности преследования»). На практике это различие часто не столь важно, поскольку страны, использующие в качестве отправного пункта принцип законности (например, Германия), обязаны проявлять некоторую степень гибкости для того, чтобы дать возможность рационального использования ресурсов судебной системы, например, правило *de minimis*, и проводить уголовное преследование за некоторые преступления только по заявлению потерпевшего, тогда как те страны, которые предусматривают дискрецию (например, Франция, Англия и Уэльс) приняли кодексы поведения или общие руководства с целью обеспечить соблюдение общественного интереса и равенства в обращении. Однако, как мы увидим далее, любая свобода усмотрения всегда поднимает вопрос о том, имеют ли «политические» органы возможность влиять на ее осуществление в общем и в целом (что, в принципе, не представляет проблемы) или в индивидуальных случаях (что представляет собой потенциальный путь для злоупотреблений по политическим мотивам).

9. Вышеупомянутые адаптации состязательной и следственной систем уголовного судопроизводства привели к установлению четырех широких категорий систем уголовного судопроизводства, - а именно английской, французской, германской³ и российской систем. Первая из них в значительной степени распространяется на все юрисдикции англо-саксонского права в Европе⁴, а вторая применяется во многих странах Европы, кроме Франции, как следствие влияния системы, которая восходит к наполеоновской эре. Третья представляет собой возникший в более недавнее время подход, который воплощает в себе некоторые значительные отступления от французской модели (особенно в том, что касается принципа законности, однако при этом не приближаясь к чисто состязательной системе, которая доминирует в Англии и Уэльсе). Четвертая из систем все еще борется с наследием своего советского прошлого, к которому относится в том числе преобладающая роль прокуратуры и проблемы, связанные с независимостью судебного корпуса, в первую очередь на практике.

[...]

v. Все еще система sui generis: система уголовного судопроизводства Российской Федерации

а. Исторические корни

64. По нашему мнению, Российская Федерация представляет собой отдельную, четвертую категорию системы уголовного судопроизводства, которая в разных отношениях находится под влиянием традиции, выковавшейся во время существования Советского Союза. Этот анализ, как нам представляется, подходит для таких стран, как Армения, Азербайджан, Грузия, Молдова, Российская Федерация, однако в меньшей степени применим к тем государствам - участникам, которые в определенный момент были коммунистическими, однако не входили в состав Советского Союза, или были частью только после Второй мировой войны, поскольку либо сохранились или были возрождены элементы ранее существовавшей традиции, или изменения, проведенные до и после коммунистического периода представляются более значительно укорененными на практике.

65. Во время советского периода прокуратура играла доминирующую роль в системе уголовного правосудия, а суды исполняли подчиненную функцию, сводившуюся практически лишь к подтверждению решений прокуратуры. Адвокаты защиты

---

³ См. J. Hatchard, B. Huber and R. Vogler, *Comparative Criminal Procedure*, 1996.

⁴ Помимо Англии и Уэльса к этим странам, говоря в целом, относятся Кипр, Ирландия, Мальта, Северная Ирландия и Шотландия (две последние являются отдельными юрисдикциями, отличными от Англии и Уэльса в составе Соединенного Королевства).

практически никакой серьезной роли не играли⁷⁶. Несмотря на то, что в странах бывшего Советского Союза были предприняты значительные попытки повысить позицию судов в уголовном процессе и обеспечить возможность участия адвокатов как на стадии следствия, так и судебного разбирательства, органы прокуратуры продолжают оказывать весьма сильное влияние на процесс.

Это следствие не только того, что многие сотрудники продолжают работать в тех же органах системы уголовного правосудия (несмотря на формальное изменение в сфере ответственности), но и того, что органы прокуратуры продолжают сохранять огромное влияние в системе правопорядка в целом⁷⁷, и осуществляют обширные надзорные функции в отношении многих видов деятельности, в том числе и тех, которые находятся за пределами сферы уголовной юстиции. Это состояние дел неоднократно подвергалось критике Советом Европы.

66. Во время своего визита в Москву я намеревалась обсудить некоторые структурные проблемы, такие как недавнее создание Следственного комитета, «отделившегося» от Генеральной прокуратуры, а также конкретные примеры недостатков в функционировании органов прокуратуры с руководящими представителями этих органов. Несмотря на то, что в последней версии официальной программы моего визита, которую мне вручили в Москве, были запланированы встречи с заместителем Генерального прокурора и заместителем председателя Следственного комитета, они впоследствии были отменены незадолго до планируемого времени проведения. После моего возвращения из Москвы я направила письмо Генеральному прокурору и председателю Следственного комитета с предложением встретиться с ними в другое время. В письме также содержался перечень вопросов, на которые они могли, вместо проведения встречи, ответить в письменном виде. В письменном ответе из Генеральной прокуратуры⁷⁸ подчеркивается полная независимость генеральной прокуратуры от какого-либо политического, административного или иного вмешательства или влияния, в соответствии с Конституцией и другими законами Российской Федерации. Любые попытки вмешательства в работу органов прокуратуры влекут за собой уголовную ответственность. Что касается отношений Генеральной прокуратуры с только что созданным Следственным комитетом, то речи о какой-либо конкуренции быть не может, поскольку сферы ответственности этих органов четко определены и в случае несогласия последнее слово остается за Генеральным прокурором. Это было весьма познавательно и побудило меня задать некоторые дополнительные вопросы. Эти вопросы я направила в другом письме, которое на сегодняшний день пока остается без ответа.

67. Г-н Павел Крашенинников, председатель Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, с которым у меня состоялась очень конструктивная дискуссия в Москве, воздержался от суждения относительно практического воздействия учреждения Следственного комитета. Хотя некоторая степень конкуренции между двумя органами может иметь оздоравливающее воздействие, в целях эффективности правоохранительной деятельности необходимо хорошее сотрудничество между ними. Он также посчитал преждевременным отвечать на мой вопрос о том, может ли возможное ослабление Генеральной прокуратуры повлиять на улучшение защиты прав граждан в системе уголовного судопроизводства. Г-н Крашенинников был прекрасно осведомлен об основных слабых сторонах российской системы уголовного правосудия, в том числе о коррупции в судебных органах, переполненности тюрем и слишком частой тенденции прибегать к предварительному заключению вместо других мер пресечения⁷⁹.

⁷⁶ См., например, R.J. Terrill, *World Criminal Justice Systems A Survey*, 5th ed, 2003 and W.J. Wagner, "The Russian Judicature Act of 1922 and Some Comments on the Administration of Justice in the Soviet Union", (1966) 41 *Indiana LJ* 420.

⁷⁷ Мне рассказали шутку, что при Советском Союзе выше Генерального прокурора было только Политбюро, а сейчас и Политбюро нет.

⁷⁸ Датирован 1 июня 2009 г. (на русском языке).

⁷⁹ По приглашению председателя ВС Лебедева я с большим интересом посетила заседание Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое было посвящено рассмотрению предложений о замене предварительного заключения другими мерами пресечения. Как представляется, Верховный Суд прекрасно осведомлен об этой проблеме и, в принципе,

68. Г-н Крашенинников также подчеркнул, что он лично и его комитет в целом будут продолжать оказывать поддержку внесенному им законодательному предложению, которое направлено на то, чтобы засчитывать срок, проведенный в предварительном заключении, вдвое, с учетом особенно сложной ситуации в учреждениях предварительного заключения и в ответ на критику, высказанную Европейским Судом по правам человека. По некоторым сообщениям, этот законопроект также получил поддержку со стороны администрации президента, Верховного Суда и правительства Российской Федерации. Однако независимые эксперты сообщили мне в Москве, что правительство недавно отозвало свою поддержку в адрес законопроекта, поскольку он потенциально мог бы принести пользу Михаилу Ходорковскому. Они предсказали, что закон, который принесет пользу только тем заключенным, которые были приговорены менее чем к десяти годам лишения свободы⁸⁰, сможет вступить в силу только после того, как г-ну Ходорковскому будет вынесен второй обвинительный приговор в ходе второго судебного процесса, и предположительно он будет приговорен к лишению свободы на срок более десяти лет⁸¹. Г-н Крашенинников подтвердил, что проект закона еще должен преодолеть некоторые бюрократические препоны, что может занять какое-то время.

b. Давление на судей с целью добиться вынесения ими обвинительных приговоров

69. Во многих случаях оказываемое на судей давление с целью вынесения обвинительных приговоров, как представляется, весьма велико, и суды склонны вместо вынесения оправдательных приговоров возвращать дело на доследование. Я подняла вопрос о давлении с целью вынесения обвинительных приговоров в своих беседах, проведенных мною в Москве в начале апреля, и мне пришлось согласиться с тем, что такое давление действительно существует, в том числе в качестве фактора оценки «производительности и эффективности» работы судей с целью их повышения или даже отстранения от должности. Я встретила с одним бывшим судьей, г-ном Мелиховым (судьей коллегии по уголовным делам Дорогомиловского районного суда г. Москвы), который подробно и связно объяснил, как он подвергся сильному давлению с целью заставить его воздержаться от отклонения запросов о предварительном заключении⁸², а также от того, чтобы «иногда» выносить оправдательные приговоры⁸³. После множества неприятностей он в конце концов был отстранен от должности на основании жалоб, поданных председателем Московского городского суда (а не председателем того суда, где он работал)⁸⁴.

готов принимать меры в соответствии с решениями Европейского Суда по правам человека, в которых критикуется данная практика.

⁸⁰ Г-н Ходорковский получил девять лет лишения свободы на своем первом судебном процессе.

⁸¹ Другие обозреватели полагали, что этот закон изначально был разработан с целью помочь новому президенту решить «проблему Ходорковского» - это потребовало бы его освобождения в ближайшем будущем без необходимости в способном породить конфликты президентском помиловании. Пospешно начатое новое судебное разбирательство и «замораживание» данного законопроекта интерпретируется ими как ход «антиходорковской фракции».

⁸² Он сказал, что отклонил 5-10% из общего числа ходатайств (при том, что «нормой» считается полное отсутствие отказов), за что, по его словам, он подвергся публичной критике со стороны председателя Московского городского суда г-жи Егоровой. После того, как он высказался в свое оправдание, г-жа Егорова предупредила его о том, что «запомнит его имя».

⁸³ Г-н Мелихов сказал, что вынес семь оправдательных приговоров из 300-400 дел (при этом нормой, опять-таки, является нулевое количество оправданий); он также направил обратно пачку материалов в ГАИ, которая подготовила обвинения на основании более ранней версии закона и не приняла во внимание имеющие отношение к делам изменения. ГАИ пожаловалась г-же Егоровой, которая, в свою очередь, пожаловалась председателю того суда, в котором он работал.

⁸⁴ После реорганизации московских судов в 2003-2004 гг. он был одним из 13 судей, чьи имена не были внесены в президентский указ, которым все судьи назначались в новые суды. Через три месяца их заслушала Квалификационная коллегия, и десяти судьям (в том числе г-ну Мелихову) было предложено добровольно уйти с должности в обмен на выплату 80% от зарплаты пожизненно. Г-н Мелихов был единственным, кто отказался от этого предложения, так как он полагал, что ему нечего бояться: он не допустил никаких нарушений закона, его аттестация до пожизненного утверждения в должности была превосходной, а небольшое количество решений, которые г-жа Егорова (а не его непосредственное начальство) сочла слишком «мягкими», которые были вынесены еще в 1998 г., все вступили в законную силу (т. е. не были отменены или оставлены в силе вышестоящей инстанцией). Он даже выиграл дело по своей первой жалобе в отношении решения Квалификационной коллегии. После восстановления в должности он был вновь отстранен по требованию г-жи Егоровой и последующие разбирательства по своим жалобам проиграл. Дело, поданное им в Европейский Суд по правам человека, все еще ожидает рассмотрения.

70. Бывший судья Верховного Суда г-н С. А. Пашин, известный эксперт-правовед, который отвечал за проведение судебной реформы в президентской администрации при Президенте Борисе Ельцине, и который представил мне проницательный анализ во время моего визита в Москву, сам был несколько раз уволен и восстановлен в должности судьи. Г-н Пашин полагает, что своим восстановлением он обязан тому, что тогдашний представитель российского правительства в Европейском Суде по правам человека предупредил власти, что если г-н Пашин подаст в этот Суд жалобу, то он вполне может выиграть дело.

71. В связи с этим я хотела бы упомянуть, что вновь встретила судью Кудешкиной⁸⁵, которая была весьма воодушевлена после своей предварительной судебной победы в Страсбурге. Она сказала, что решение Суда, вынесенное в ее пользу, дало большую надежду другим подвергающимся нападкам судьям. Г-жа Кудешкина также приветствовала передачу решения палаты в Большую Палату, поскольку это даст Суду возможность еще глубже рассмотреть проблемы, связанные с недостатком независимости у российских судей и все более пристальный контроль за ними со стороны председателей судов.

72. В Москве я встретила еще одной бывшей судью – г-жой Грачевой. Она работала в должности судьи в течение 19 лет и всегда получала прекрасные результаты в ходе профессиональной аттестации, в связи с чем ее должны были повысить до уровня заместителя председателя суда, в котором она работала (в г. Королеве Московской области). На основании нескольких нарушений закона она объявила недействительными результаты местных выборов. Во время слушания ей угрожал адвокат, который заявил, что у нее будут «большие проблемы». Новый председатель суда, которого назначили вскоре после этого, начал «придираться» к ней и отменил поддержку своего предшественника в отношении повышения в должности г-жи Грачевой. Он также начал перегружать ее уголовными делами (в ведении которых у нее не было опыта), в дополнение к имеющейся у нее нагрузке уголовных дел. Это привело к проблемам со здоровьем, а также юрист, который ранее угрожал ей, подал на нее в суд по надуманному обвинению, которое касалось небольшой компенсации⁸⁶, полученной ею за помощь в организации выборов в свободное от работы время. По ее мнению, процедура рассмотрения ее дела в Квалификационной коллегии проводилась с грубыми манипуляциями, а председатель ее суда в открытом заседании заявил, что ее «надо расстрелять»⁸⁷. После того, как она отказалась от предложения уволиться по собственному желанию (тем самым сохранив свое право на получение пенсии), она была в конце концов уволена с должности (что подразумевает утрату таких прав). После того, как она проиграла процессы в связи с обжалованием решения об увольнении внутри страны, ее последней надеждой остается Европейский Суд. Тем временем, по словам г-жи Грачевой, новый председатель районного суда, назначенный в 2008 г., подверг жесткой критике методы, к которым прибегал председатель ее бывшего суда.

73. Еще одной иллюстрацией слабости защиты, предоставляемой судьям в Российской Федерации является ситуация, в которой оказался судья Василий Петрович Савелюк, который проработал десять лет в Бутырском суде г. Москвы. Ирина Кадырова, его жена, которая сказала, что стала адвокатом для того, чтобы спасти своего мужа, в больших подробностях рассказала мне его историю. В общих чертах судье Савелюку не повезло: он был обвинен в участии в нашумевшей афере с недвижимым имуществом, в которой были замешаны несколько московских судей, в то время, когда борьба с коррупцией в судебном корпусе публично получила статус высочайшего политического приоритета. Вскоре после того, как Председатель Московского городского суда⁸⁸ публично вменил себе в заслугу разрешение этого дела и назвал обвиненных судей мошенниками, г-н

⁸⁵ Впервые я встретила с ней во время моего визита в Москву с целью установления фактов, связанных с докладом об уголовном преследовании ведущих руководителей «Юкоса» (см. Doc. 10368, paragraph 61, note 13).

⁸⁶ Сумма, эквивалентная 50 евро.

⁸⁷ Месяц спустя ее дом действительно был обстрелян неизвестным, однако органы милиции отказали в возбуждении дела, потому что нанесенный ущерб (из короткоствольного оружия) был слишком незначительным.

⁸⁸ Г-жа Егорова.

Савелюк был приговорен к 12 годам тюремного заключения на основании весьма скудных доказательств⁸⁹ и после весьма сомнительного разбирательства, которое продолжалось восемь лет⁹⁰. И вновь Европейский Суд остается последней надеждой для этого бывшего судьи и его молодой семьи, которые уже перенесли три с половиной года заключения г-на Савелюка в суровых условиях⁹¹.

74. Перед моим отъездом в Москву меня проинформировали о двух других делах судей, которые предположительно получили «инструкции». Оба эти дела связаны с делом ТоАЗ. Как сообщалось в газете «Москву Таймс» (Moscow Times⁹²), Елена Валявина, первый заместитель председателя Высшего арбитражного суда дала ошеломляющие показания в деле о защите чести и достоинства в отношении известного радиоведущего Владимира Соловьева, рассматривавшемся в Дорогомиловском районном суде г. Москвы. Во время своей радиопередачи г-н Соловьев открытым текстом обвинил высокопоставленного кремлевского чиновника Валерия Боева в том, что он отдавал распоряжения Высшему арбитражному суду⁹³. Г-н Боев обратился против него с иском о защите чести и достоинства, и судья Валявина подтвердила, выступая в качестве свидетеля по данному делу, что г-н Боев действительно говорил ей, что она не вернется на свою должность после начального срока службы, если не согласится изменить свою позицию по рассматриваемым ею делам⁹⁴.

75. Второе дело, связанное с ТоАЗ – это дело судьи Надежды Костюченко, которая ранее работала в Самарском областном арбитражном суде и обратилась с жалобой в Европейский Суд по правам человека в Страсбурге. Она стала жертвой властей после вынесения ею в 2005 г. решений в пользу ТоАЗ⁹⁵. Это дело впервые получило известность в 2006 г., когда увольнение Костюченко с должности в основном подавалось как результат борьбы с коррупцией в судебном корпусе⁹⁶. В более поздних статьях тон заметно отличается. Анатолий Иванов, депутат Государственной Думы РФ от Тольятти («Единая Россия»), указал в своей статье, опубликованной в «Парламентской газете»⁹⁷, что г-жа Костюченко была «незаконно смещена со своей должности» в марте 2006 г., и

---

⁸⁹ Г-жа Кадырова пояснила, что подпись ее мужа была обнаружена на 20 подложных документах; назначенная судом почерковедческая экспертиза установила, что 15 из этих подписей являются явно поддельными, относительно трех эксперт не был в полной уверенности, а две он счел подлинными. Суд отклонил все ходатайства о проведении повторной экспертизы, в том числе и особенно знаменитым экспертом-почерковедом, г-жой Володиной, которая с первого взгляда увидела, что все подписи подделаны, и ожидала в течение трех дней перед залом судебных заседаний, чтобы ей позволили выступить с показаниями. Сами мошенники указали на других судей как своих сообщников, однако категорически сняли ответственность с судьи Савелюка, несмотря на «сделку», предложенную одному из них в обмен на дачу показаний против него.

⁹⁰ Например, такие, как систематическое отклонение ходатайств о представлении доказательств защитой; отказ в удовлетворении всех просьб защиты об исправлении протокола заседания, в том числе и в одном случае, когда с аналогичной просьбой выступило обвинение (чью просьбу суд удовлетворил); искусственное разделение дел в отношении обвиняемых судей и других мошенников, которые уже были осуждены до начала судебного процесса над судьями; приемы, направленные на ограничение прав защиты, которые также используются в деле против г-д Ходорковского и Лебедева (см. п. 95 ниже); опора на показания ключевых свидетелей обвинения, сделанных в рамках отдельного уголовного дела и в ходе предварительного следствия, а не на показания тех же самых свидетелей, данные во время самого судебного процесса.

⁹¹ Поскольку г-н Савелюк пока находится в относительно добром здравии, он не обратился с просьбой о приоритетном рассмотрении жалобы уже и без того перегруженным страсбургским судом.

⁹² Natalya Krainova, "Judge Tells of Kremlin Threat", Moscow Times, 14 мая 2008 г.

⁹³ Соловьев заявил в своей программе «Соловьиные трели» на радиостанции «Серебряный дождь», что «в России независимых судов нет», а есть «суды, зависящие от Боева», «того самого Боева, который раздает указания Высшему арбитражному суду».

⁹⁴ В газете «Коммерсант» (статья Ольги Плешановой в: Коммерсант, № 79 от 13 мая 2008 г.) был опубликован отрывок из показаний, данных г-жой Валявиной. Она сообщила суду о том, что осенью 2005 г. Боев попросил ее изменить свое решение относительно надлежащего собственника пакета акций в предприятии «Тольяттиазот», крупнейшего производителя аммиака в стране. Она сказала, что Боев высказал эту угрозу, когда она отказалась исполнить его требование. Она также рассказала суду, что Боев «как представитель администрации президента принимает участие в заседаниях Высшей квалификационной коллегии судей».

⁹⁵ См., например, материал «Экс-судья из Самарской области добивается восстановления полномочий через страсбургский суд», ИА «Регнум», 23 июня 2008 г., опубликованный по адресу: <http://www.regnum.ru/news/1018369.html>

⁹⁶ См., например, Александр Одинцов, «В ожидании нового суда», «Известия», 1 сентября 2006 г., опубликовано по адресу: <http://www.compromat.ru/main/titov/smarts.htm>

⁹⁷ «Страсбургская проверка на прочность», опубликовано в «Парламентской газете», №№ 43-44 (2295-6).

выразил сожаление в связи с тем, что ей пришлось обратиться в Европейский Суд за защитой своих прав. Еще один депутат Государственной Думы, Геннадий Гудков, зам. председателя комитета Государственной Думы по безопасности, согласно статье в «Независимой газете»⁹⁸, цитирующей его высказывание, говорил, что жалоба г-жи Костюченко в Страсбург является свидетельством серьезных проблем в российской судебной системе. По мнению г-на Гудкова, в настоящее время наблюдается тенденция отрезать «неудобным» судьям доступ к рассмотрению судебных дел. Журналист Владимир Соловьев много высказывался по обоим делам⁹⁹ и отметил, что в отношении г-на Боева до сих пор не возбуждено уголовное дело и не начато какое-либо иное официальное расследование, несмотря на показания, данные судьей Валявиной в суде.

76. Во время пребывания в Москве у меня не было возможности поговорить с г-ном Соловьевым, г-жой Валявиной или г-жой Костюченко, а также с двумя депутатами Думы, которые, согласно сообщениям, выступили с их публичной поддержкой. Некоторые независимые эксперты, которых я спросила, может ли данное дело стать «ласточкой, предвещающей весну», были настроены скептически в виду того, что г-н Соловьев обычно занимает ярко выраженную проправительственную позицию. Я полагаю, что сам факт того, что высокопоставленная судья осмелилась во всеуслышание подтвердить, что кремлевский чиновник пытался давать ей указания, - это обнадеживающий знак возрастающей уверенности российских судей; и тот факт, что ведущий «мейнстримной» новостной программы освещает данное дело, показывает наличие определенной публичной, если и не «официальной» поддержки в адрес таких судей. Совету Европы предстоит работать с такими силами с целью дальнейшего укрепления этой тенденции, этой «маленькой ласточки», как с неохотой согласился один из моих скептически настроенных собеседников.

с. Взгляды высокопоставленных представителей Верховного Суда Российской Федерации

77. Во время моей встречи в Верховном Суде Российской Федерации председатель Суда Лебедев красноречиво рассказывал о прогрессе, сделанном российской судебной системой в течение последних лет. Значительное повышение заработной платы, в результате которого зарплаты российских судей стали почти в три раза превышать уровень во Франции или Германии (по сравнению со средним доходом работающих в этих трех странах¹⁰⁰), позволило значительно сократить зависимость судей от «благ», предоставляемых местными органами власти, например от предоставления квартир. Я считаю, что достойная заработная плата является необходимым (хотя и не достаточным) вкладом в борьбу против коррупции, в том числе и в судебском корпусе.

78. Председатель Совета судей Российской Федерации г-н Зедаренко и председатель Высшей квалификационной коллегии судей г-н Кузнецов подчеркнули прогресс, достигнутый в функционировании органов, в которых они председательствуют и задача которых состоит в обеспечении независимости судебной власти «не только на словах, но и на деле». Председатель Верховного Суда Лебедев подчеркнул «чувствительность» своего суда к вопросам независимости и важность роли его суда в консультировании правительства и Государственной Думы по вопросам дальнейшего совершенствования процессуального и материального законодательства, направленного на ускорение и

⁹⁸ Андрей Куликов, «Независимая газета», 1 июля 2008 г., материал опубликован по адресу: http://www.ng.ru/politics/2008-07-01/4_femida.html

⁹⁹ См. Владимир Соловьев, «Судебная пустота. Европейский суд по правам человека принял к рассмотрению и проверит законность лишения полномочий судьи арбитражного суда Самарской области Надежды Костюченко за ее решения по «Тольяттиазоту», Trel.ru от 24 июня 2008 г., материал опубликован по адресу: <http://www.compromat.ru/main/mix/mahlaykostuchenko.htm>; Соловьев утверждает, что получил копии расшифровок стенограммы заседания Квалификационной коллегии от 1 февраля 2006 г., где предположительно говорилось о прослушивании телефонов, что подтверждает жалобы судьи Костюченко.

¹⁰⁰ См. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ), European Judicial Systems, Edition 2008, Tables 91 and 92: в начале своей карьеры судьи в Германии получают 0,9 средних годовых заработных плат в Германии, 1,2 – во Франции, 3,2 – в России и 4 – в Великобритании (Англии и Уэльсе). Высокопоставленные судьи получают в Германии 2,1 среднюю годовую заработную плату, во Франции – 3,5, в России – 7,5, а в Великобритании – 6,5. В большинстве европейских стран судьи получают примерно в 2-3 раза больше среднего уровня по стране в судах низшей инстанции и примерно в два раза больше – в судах высшей инстанции.

дальнейшую «профессионализацию» деятельности судов без нарушения каких-либо прав. Председатель Лебедев также приветствовал шаги к самоуправлению судебной власти, предпринятые с 1998 г., путем передачи полномочий по управлению судами от министерства юстиции в «центральное управление по отправлению правосудия», находящееся в рамках самого Верховного Суда. Генеральный директор этого управления, в ранге министра, назначается председателем Верховного Суда после совещания с председателем судейского совета. В состав Высшей квалификационной коллегии (29 судей) входят девять судей коллегий судов по гражданским и уголовным делам, девять судей арбитражных судов, десять членов, назначенных Советом Федерации и один, назначенный Президентом Российской Федерации. Г-н Кузнецов упомянул о том, что квалификационной коллегии удалось отразить попытки изменения ее состава, с помощью обращения к европейским стандартам, которые предусматривают, что как минимум половина членов должны быть судьями. Кандидатуры на вакантные судейские должности (в том числе в высших судах, заполняемые путем повышения) анонсируются через средства массовой информации. Решения и рекомендации Коллегии должны быть мотивированными – и это требование недавно подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации. Председатель ВС Лебедев также указал, что не обладает правом голоса в Квалификационной коллегии. Он отклонил предложение, внесенное группой судей, о том, чтобы изменить это состояние дел, поскольку полагает, что без него Коллегия сможет работать в более спокойном и гибком ключе.

79. В том виде, как она изложена выше, институциональная структура выглядит довольно прогрессивно, в том числе и по сравнению с другими посещенными мною странами: Соединенным Королевством, Францией и особенно Германией¹⁰¹. Однако из ответов моих собеседников на вопросы, заданные с целью оценки реального функционирования этих органов, создалось несколько иное впечатление.

80. В ответ на вопросы, касающиеся методов, с помощью которых обеспечивается согласованность и единство решений различных судебных инстанций в Российской Федерации, председатель ВС Лебедев красноречиво обрисовал традицию, которая соблюдается в течение «десятилетий», и согласно которой каждый председатель суда, в том числе и он сам как председатель Верховного Суда, проводит встречи и совещания со своими судьями, сотрудниками и консультантами, в ходе которых обсуждаются актуальные дела. Для поддержания общения с судами в других республиках и областях используются даже видеоконференции. Они также использовались для распространения решений Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации. Однако любые такие контакты с судьями в отношении дел, находящихся на рассмотрении, были бы «неправильными». Г-н Лебедев сослался на телепрограмму, которая была показана много лет назад, и в которой один из депутатов Госдумы заявил, что попросил его (г-на Лебедева) повлиять на исход одного решения. Он ответил, что не должен делать таких вещей и ему пришлось «сдерживать свой гнев». В ответ на мой вопрос относительно дела Кудешкиной, он отказался от предварительных суждений до вынесения окончательного решения Европейского Суда.

81. Ответы на мои вопросы, связанные с критериями оценки компетенции судей в целях продвижения по службе или в некоторых случаях прекращения полномочий, остались несколько неясными. Было упомянуто о том, что Коллегия принимает во внимание то, «выносили ли судьи правильные решения», и «правовые нарушения», допущенные судьями, которые могли привести к дисциплинарным последствиям, как мне показалось, включали те дела, решения по которым были отменены в результате обжалования – однако не «механически», а в результате анализа данных решений. Г-н Кузнецов в ответ на просьбу о разъяснении информации, указал, что Коллегия не оценивает справедливость или легитимность решения, а только правовые ошибки, допущенные судьей, например, если он упустил изменение в законодательстве или вынес откровенно незаконное решение. Председатель ВС Лебедев добавил, что работа судей оценивается раз в полгода или год. Если оказывается, что судья не пригоден для исполнения этой функции, председатель суда может попросить принятия дисциплинарных

---

¹⁰¹ См. пп. 57-59 выше.

мер Квалификационной коллегией. Проблемы задержек могут привести к отстранению от должности, равно как и недостаточное качество (например, несколько решений, отмененных судом высшей инстанции). Нарушение закона не обязательно должно быть допущено умышленно. Иногда судьям было необходимо дать понять, что они выбрали не ту профессию.

82. В ответ на мой вопрос г-н Кузнецов сказал, что прекращение полномочий судьи происходит «чрезвычайно редко» и привел цифру - 56 случаев «досрочного прекращения полномочий судьи» (т. е. увольнения). На мой взгляд, это число довольно велико, с учетом полной стабильности трудоустройства (пожизненный срок), которой обычно пользуются судьи. В виду приведенных выше свидетельств бывших судей, число судей, которые уходят в отставку «добровольно», после того, как им делают такое предложение (чтобы сохранить их право на пенсионное обеспечение), вполне может быть и выше.

83. В свете встреч с высокопоставленными представителями Верховного Суда, с одной стороны, и ведущими независимыми экспертами, бывшими судьями и адвокатами – с другой, у меня сложилось впечатление, что российские судьи до сих пор и, возможно, даже в еще большей степени, находятся под серьезным давлением, вынуждающим их «функционировать» так, как от них этого ожидают власти предержащие. Несколько независимых наблюдателей рассказали мне, что практика «телефонной юстиции» - термин, по сообщениям, использованный в конце 2008 г. министром внутренних дел Рашидом Нургалиевым¹⁰² для описания случаев, когда судьи получают телефонные звонки, и звонящие говорят им, как следует разрешить то или иное дело, - действительно претерпела некоторое развитие, однако не в сторону увеличения независимости: судьи, отчаянно стремящиеся правильно предугадать желание своих «вышестоящих начальников», все чаще берут трубку сами, чтобы спросить об инструкциях, а не нести последствия неверной догадки. Мое собственное впечатление, составленное в том числе на основании значительного числа отстраненных от должности судей в соответствии с решением Квалификационной коллегии и веса, придаваемого содержанию решений в процессе аттестации судей, заключается в том, что российские судьи по-прежнему работают в атмосфере, которая сродни пожизненному «испытательному сроку», и что Квалификационная коллегия еще не обрела по праву своей роли, состоящей в защите независимости всех судей, в том числе и тех, кто осмеливается выносить решения, вызывающие недовольство властей. Судьи, которые в этой атмосфере играют свою роль в полной независимости, до сих пор подвергаются серьезному риску лишиться работы, и заслуживают всяческой поддержки, которую они могут получить как в российском обществе, так и от Совета Европы.

d. Суды присяжных – ключевая реформа под угрозой?

84. Введение судов присяжных в некоторых случаях, возможно, поспособствовало более критичному подходу к оценке доказательств, с сопутствующим этому подъемом числа оправдательных приговоров, однако большинство дел по-прежнему рассматривается профессиональными судьями и гражданскими заседателями. Недавние законодательные предложения направлены на дальнейшее сокращение возможности для подсудимых просить, чтобы их судил суд присяжных, исключая их в делах, связанных с террористической деятельностью, государственной изменой, нарушениями государственной безопасности и тайны и «экстремизмом». Реформаторы считают это предложение шагом в неверном направлении, особенно в сочетании с сопутствующими законопроектами, направленными на дальнейшее расширение рамок соответствующих положений уголовного кодекса.

e. Адвокаты защиты - рискованная профессия?

---

¹⁰² См. Михаил Фалалеев, «Чистка мундиров. Рашид Нургалиев: Неприкасаемых чиновников-коррупционеров больше не будет», опубликовано в «Российской газете» 14 октября 2008 г. по адресу: <http://www.rg.ru/2008/10/14/mvd.html>

85. Хотя адвокатам защиты формально была предоставлена более значительная роль в системе уголовного судопроизводства, на практике остаются проблемы с обеспечением достаточного качества и авторитета адвокатов¹⁰³.

86. Более того, в «деликатных» делах они также часто становятся жертвами запугивания и репрессий¹⁰⁴. Я уже описывала злоключения адвокатов, представлявших г-д Ходорковского и Лебедева во время первого судебного процесса над ними¹⁰⁵. К сожалению, давление на них продолжается с неослабевающей силой и во время нового судебного процесса. В частности, адвокат г-на Ходорковского Карина Москаленко обнаружила небольшое количество жидкой ртути в своей машине в Страсбурге в ноябре 2008 г.¹⁰⁶, в дозе, которая не должна была оказаться смертельной, но, тем не менее, подвергла серьезному риску ее собственное здоровье и здоровье ее семьи, в том числе двух недавно усыновленных ею маленьких детей¹⁰⁷. Лев Пономарев, один из ведущих российских правозащитников, откровенно и смело высказывающийся в защиту г-на Ходорковского, и отец адвоката Елены Липцер, еще одного ключевого члена адвокатской команды г-на Ходорковского, был жестоко избит по пути домой со встречи со мной в Москве, в офисе его НПО¹⁰⁸. Эти нападения действительно воспринимаются теми, кого они коснулись, как предупреждение и акты запугивания, направленные на то, чтобы ослабить их решимость защищать своих клиентов. Я не могу не согласиться с их интерпретацией, и я в шоке от того, что власти либо не желают, либо не способны защитить этих отважных адвокатов и их родственников¹⁰⁹.

87. Во время своего визита в Лондон, а потом еще в Берлине, до своего отъезда в Москву, мне весьма подробно рассказали работающие в Великобритании юристы фонда «Эрмитаж»/HSBC о почти невероятной (однако имеющей убедительные подтверждения) истории нападения, в которой, судя по всему, были замешаны высокопоставленные должностные лица, на иностранного инвестора, который до 2006 г. был самым крупным иностранным инвестором на российском фондовом рынке. В частности, все адвокаты, представлявшие интересы HSBC/ «Эрмитаж» в Российской Федерации, подверглись запугиваниям и преследованию со стороны органов милиции в ходе обысков и допросов в качестве свидетелей в нарушение привилегии связи между адвокатом и клиентом. 20 августа 2008 г. милиция совершила налет на московские офисы всех юридических фирм, представляющих интересы HSBC и «Эрмитажа», в частности базирующейся в Москве американской фирмы «Файерстоун Данкан» и на офисы независимых адвокатов Эдуарда Хайретдинова, Владимира Пастухова и Вадима Горфеля¹¹⁰. Во время обысков доверенности, выданные адвокатам на представление интересов HSBC в судебных разбирательствах, назначенных на ту неделю, были изъяты милицией, что представляется попыткой воспрепятствовать попыткам HSBC пресечь происходящее мошенничество¹¹¹.

¹⁰³ R. Vogler, *A World View of Criminal Justice*, 2005.

¹⁰⁴ См. Christian Lowe, "Russian defence lawyers in hazardous profession", Reuters, 23 июля 2007 г., материал опубликован по адресу: <http://www.reuters.com/article/inDepthNews/idUnited StatesL2171073820070723>

¹⁰⁵ См. Doc 10368 (2005), "The circumstances surrounding the arrest and prosecution of leading Yukos officials", пп. 20-42.

¹⁰⁶ Общий обзор со ссылками на дополнительные материалы можно найти в рубрике "Times Topic", NY Times от 19 мая 2009 г., http://topics.nytimes.com/top/reference/timestopics/people/m/karina_moskalenko/index.html; В апреле 2009 г-жа Москаленко дала мне подробный отчет об этом инциденте и о нынешнем состоянии расследования, которое ведут французские власти.

¹⁰⁷ Расследование, которое проводится французской полицией, еще не закончено, однако представляется, что гипотеза, выдвинутая в его начале, о том, что предыдущий владелец машины разбил в ней термометр в начале лета, не совместима с количеством ртути, найденным в машине в октябре, с учетом скорости испарения жидкой ртути.

¹⁰⁸ См. мое заявление в связи с данным инцидентом, опубликованное на сайте Ассамблеи по адресу: http://assembly.coe.int/ASP/NewsManager/EMB_NewsManagerView.asp?ID=4527

¹⁰⁹ Я задала Генеральной Прокуратуре вопрос о результатах следствия по факту нападения на г-на Пономарева, однако в ответе лишь указывалось, что уголовное дело было возбуждено и соответствующие следственные действия проведены.

¹¹⁰ Ордер, согласно сообщениям, был получен следователем управления внутренних дел, который не был уполномочен на это, поскольку объектом обыска были помещения юридической фирмы.

¹¹¹ Еще одним странным совпадением является доставка DHL менее чем за час до обыска офиса г-на Хайретдинова подозрительной посылки в тот же самый офис. Эта посылка была отправлена из депо DHL в южном Лондоне двумя говорившими по-русски мужчинами, которые расплатились наличными (о чем, судя по сообщениям, свидетельствуют изображения камер CCTV, имеющиеся в распоряжении лондонской полиции). На посылке было ложно указан адрес лондонского офиса «Эрмитаж Капитал» в качестве адреса отправителя, имя несуществующего лица в качестве отправителя

88. В конце августа 2008 г. все адвокаты, которые независимо представляли интересы HSBC и фонда «Эрмитаж» - г-да Хайретдинов, Пастухов и Горфель, - которым удалось вскрыть мошеннические претензии в отношении компаний HSBC, и которые находились в процессе обжалования ложного разбирательства о банкротстве, получили повестки от казанской милиции явиться на допрос в качестве свидетелей в нарушение ст. 8 российского закона об адвокатуре, которая запрещает допрашивать адвокатов в связи с делами, по которым они оказывают юридическую помощь.

89. 24 ноября 2008 г. независимый адвокат Сергей Магницкий, который помогал HSBC и «Эрмитажу» раскрыть факты мошенничества и злоупотребления должностными полномочиями, был арестован и помещен в предварительное заключение. В тот же самый день в его адвокатском офисе милицией был произведен обыск и, в нарушение норм российского процессуального законодательства, адвокату фирмы не было разрешено присутствовать во время обыска. По словам адвокатов г-на Магнитского, его ни разу не допросили в течение четырех месяцев с того момента, как суд 26 ноября 2008 г. выдал разрешение на взятие его под стражу; предварительное заключение в бесчеловечных и унижающих достоинство условиях¹¹² было продлено еще на три месяца 13 марта 2009 г. на основании необходимости проведения тех же самых следственных действий, которые были приведены в качестве изначальной причины его взятия под стражу¹¹³. В отношении другого юриста, работавшего на фонд «Эрмитаж» и HSBC, г-на Эдуарда Хайретдинова, в конце ноября 2008 г. было возбуждено уголовное дело на основании якобы использования им недействительной доверенности, невзирая на более ранние решения и показания директоров HSBC, признавших действительность его доверенности. 2 апреля 2009 г. уголовное дело по тем же основаниям было возбуждено в отношении г-на Пастухова.

90. Я включила вопросы о предположительном преследовании адвокатов фонда «Эрмитаж»/HSBC и о взятии под стражу Сергея Магнитского в свои письма, которые были направлены начальнику Следственного комитета и Генеральному прокурору¹¹⁴. В ответе, полученном из Следственного комитета, подтверждалось, что г-н Магнитский был допрошен в качестве свидетеля по одному конкретному уголовному делу¹¹⁵, однако утверждалось, что никаких принудительных действий в отношении него не совершалось» и, в частности, что под стражу он «не заключался». В результате сверки этого ответа с адвокатами г-на Магнитского, которые предоставили мне документальные доказательства, подтверждающие факт его взятия под стражу, оказалось, что г-на Магнитского взяли под стражу по другому делу (под другим номером¹¹⁶), которое также было связано с комплексом дел «Эрмитажа». Ответ Следственного комитета было, как минимум, легко понять неправильно. В виду этого ответа и на основании четких указаний (дат, мест, вовлеченных лиц, в том числе со стороны правоохранительных органов), полученных от адвокатов, действующих от имени HSBC/фонда «Эрмитаж», я не убеждена, что могу без дальнейших вопросов принять дополнительные заявления, содержащиеся в ответе, о том, что «адвокаты, работающие на компанию HSBC/«Эрмитаж», допросу не подвергались», что, опять-таки, возможно, относится лишь к делу под конкретным номером. Ответ, полученный в связи с этим делом из Генеральной прокуратуры, более точен, поскольку в нем признается факт взятия под стражу г-на Магнитского и указывается, по каким обвинениям он содержится под стражей - по уголовному делу, возбужденному 4 октября

и содержались подложные документы. Юристы фонда HSBC/«Эрмитаж» рассматривают это как явную попытку подстроить ложное обвинение в отношении г-на Хайретдинова и его клиентов.

¹¹² По словам его адвокатов, он содержится в переполненной камере с тараканами, в которой больше заключенных, чем спальных мест, постоянно горит свет, отсутствует какая-либо приватность при пользовании туалетом, душ работает всего раз в неделю в течение десяти минут, помещение плохо вентилируется, а пройтись по закрытому двору размерами 3 х 5 м можно лишь менее часа в день.

¹¹³ Постановление Тверского районного суда г. Москвы на основании ходатайства следователя О. Ф. Сильченко от 3 марта 2009 г. (копия и перевод имеются в материалах); ходатайство ссылается в том числе на необходимость усилить розыск г-на Уильяма Браудера, несмотря на то, что его местонахождение (в Лондоне) прекрасно известно властям.

¹¹⁴ См. п. 66 выше.

¹¹⁵ Дело № 374015.

¹¹⁶ Дело № 153123.

2004 г. следователями Министерства внутренних дел Республики Калмыкия по факту уклонения от уплаты налогов. Однако в ответе не объясняется, почему он был арестован в ноябре 2008 г. и ни разу в течение нескольких месяцев не допрошен. В противоположность ответу Следственного комитета, Генеральная прокуратура признает, что в отношении адвокатов, работающих с HSBC/ «Эрмитаж», а именно г-д Магнитского, Хайретдинова и Пастухова были возбуждены уголовные дела (в отношении последнего еще и за «использование поддельных документов»).

91. Генри Маркович Резник, председатель Московской адвокатской палаты, сообщил мне, что обращался с письмом к начальнику Следственного комитета с требованием привлечь к ответственности лиц, виновных в преследовании адвокатов фонда «Эрмитаж». В рамках Московской адвокатской палаты недавно был создан комитет по защите адвокатов, который призван противостоять противозаконным преследованиям в отношении адвокатов. Несколько выдающихся юристов-правозащитников весьма высоко отзывались о г-не Резнике и его активной деятельности по защите адвокатов: например, он отказывается поддерживать обвинения Генеральной прокуратуры перед Квалификационной коллегией адвокатской палаты.

92. Еще одним хорошо документированным случаем возмездия в отношении адвоката является убийство г-на Маркелова 19 января 2009 г., которое вызвало публичное заявление Комитета по правовым вопросам и правам человека, принятое 27 января 2009 г.¹¹⁷ Г-н Маркелов только что вышел с пресс-конференции, на которой он объявил, что он будет обжаловать от имени семьи потерпевшей досрочное освобождение из тюрьмы полковника Буданова, который был осужден за изнасилование и убийство молодой девушки в Чечне. Полковник Буданов, по сообщениям, стал героической фигурой для воинствующих фашистских групп в Российской Федерации.

93. Адвокат Борис Кузнецов, в том числе, установил, что за его клиентом, членом Совета Федерации, незаконно установили прослушивание. Его первая жалоба в Верховный Суд даже не была рассмотрена. Тогда он обратился в Конституционный Суд, приложив экземпляр меморандума, из которого следовало, что прослушивание действительно производилось. Поскольку этот меморандум был классифицирован как секретный документ, в отношении г-на Кузнецова возбудили уголовное дело о нарушении государственной тайны и он был вынужден бежать за границу. Адвокат, сообщивший мне об этом деле, подчеркнул, что г-н Кузнецов не обнародовал содержание меморандума – он просто представил его в Конституционный Суд в доказательство нарушения, о котором он жаловался от имени своего клиента¹¹⁸. Генеральный прокурор в ответе на мой вопрос об этом деле ограничился цитированием нормы законодательства, согласно которой адвокаты тоже обязаны соблюдать государственную тайну, с которой они соприкасаются в ходе своей работы, а также настаивал, что такие тайны «разглашаются», если эта информация становится доступной «другим людям» – к которым, надо полагать, были причислены члены Конституционного Суда Российской Федерации.

f. Отсутствие гарантий во время судебного разбирательства в отношении нарушений, допущенных на стадии следствия.

94. Судебное разбирательство, возможно, по-прежнему не предоставляет надлежащих гарантий в отношении нарушений, допущенных на стадии следствия¹¹⁹. Отсутствие у

---

¹¹⁷ Документ опубликован по адресу:

http://assembly.coe.int/CommitteeDocs/2009/20090127_DeclarationTchetchenie_E.pdf; см. также заявление докладчика по Северному Кавказу Дика Марти (Швейцария, Альянс либералов и демократов за Европу) от 20 января 2009 г. (документ опубликован по адресу: <http://assembly.coe.int/ASP/Press/StopPressView.asp?ID=2115>

¹¹⁸ Данное дело напоминает дело юриста Михаила Трепашкина, в отношении которого было возбуждено дело на основании нарушения государственной тайны, в целях помешать ему представлять интересы своих клиентов в особенно деликатном деле (это дело было освещено в докладе г-на Пургуридеса «Проблемы справедливого разбирательства в делах, связанных со шпионажем и государственной тайной» ("Fair trial issues in cases involving espionage and state secrets", Doc. 11031 (2007), пп. 36-39)).

¹¹⁹ См., например, выраженную Комитетом ООН по правам человека озабоченность в связи с пытками и жестоким обращением, в особенности в ходе неофициальных допросов в отделениях милиции, где не требуется присутствие

адвокатов защиты доступа во время предварительного следствия может иметь серьезные последствия для справедливости самого судебного разбирательства. Я столкнулась с конкретным примером в зале судебных заседаний на первом процессе против г-д Ходорковского и Лебедева в 2004 г. Я лично наблюдала, как свидетель со стороны обвинения, который собирался изменить свои показания в зале суда по сравнению с теми, которые он дал в отсутствие адвокатов на стадии следствия, подвергся запугиванию со стороны прокурора и в результате этого согласился на то, чтобы заменить дачу им устных показаний зачитыванием протокола его допроса во время следствия¹²⁰.

95. Также обвинением до сих пор весьма широко используется тактика, состоящая в искусственном разделении дел в отношении различных лиц, обвиняемых в совершении одних и тех же вменяемых им деяний, в том числе и в новом процессе в отношении Ходорковского и Лебедева. Эта тактика направлена на то, чтобы обойти привилегию против самообвинения, а также защиту, предоставляемую законом сообщению между адвокатами и их подзащитными, и наконец, на то, чтобы создать факты или «прецеденты», которые можно «импортировать» в последующие судебные разбирательства в отношении других предполагаемых соучастников без должного участия защиты в более позднем разбирательстве. Как представляется, такие приемы подрывают право на справедливое разбирательство (ст. 6 Европейской Конвенции)¹²¹.

г. «Правовой нигилизм» - два симптоматичных дела

96. Недавно новый президент Российской Федерации г-н Медведев признал, что российская система уголовного судопроизводства и органы прокуратуры в частности до сих пор имеют структурные недостатки, которые приводят к обвинению и признанию виновными множества невиновных лиц¹²². Выражение «правовой нигилизм», использованное президентом, задело за живое всех моих собеседников в Москве.

97. Термин «правовой нигилизм» также пришел мне в голову, когда мне весьма подробно рассказывали о двух симптоматичных делах: о втором процессе г-на Ходорковского и г-на Лебедева и о злключениях фонда «Эрмитаж».

Дела, связанные с «Юкосом» – Михаила Ходорковского, Платона Лебедева и других

98. Я имела возможность присутствовать на открытии нового судебного слушания в отношении г-д Ходорковского и Лебедева в Хамовническом суде г. Москвы 31 марта 2009 г.¹²³ Зал судебных заседаний был очень маленьким – туда вмещалось всего 23 человека из присутствующих, а множеству других пришлось ожидать на лестничной площадке. Я чувствовала себя несколько неловко из-за того, что мне по настоянию адвокатов подсудимых предоставили привилегированный доступ. Однако нескольким журналистам было позволено набиться в зал в начале заседания, и некоторые из них даже были с камерами (впоследствии мне сказали, что это могло быть связано с моим присутствием, поскольку на последующих заседаниях этого не разрешалось). Как и в ходе первого судебного процесса, атмосфера была довольно напряженной, и обвиняемые также по-прежнему находились в своего рода «клетке» (сделанной из плексигласа, а не из стальных прутьев, как клетка, которая использовалась во время первого процесса в 2003

адвоката, и в связи с невозбуждением уголовных дел в отношении сотрудников правоохранительных органов в Заключительных замечаниях Комитета ООН по правам человека (*Concluding observations of the Human Rights Committee: Russian Federation*, CCPR/CO/79/Russian Federation, 6 ноября 2003 г. См. также дела, в которых были установлены нарушения ст. 3 Конвенции во время допросов, например: Маслова и Налбандов против России (*Maslova and Nalbandov v Russia*, 839/02, 24 января 2008 г.) и Маммадов (Джалалоглу) против Азербайджана (*Mammadov (Jalaloglu) v Azerbaijan*, 34445/04, 11 января 2007 г.)

¹²⁰ См. Doc. 10368 (прим. 86 выше), п. 44.

¹²¹ Генеральная прокуратура в своем ответе от 1 июня 2009 г. признает использование этой тактики и защищает ее, утверждая, что она соответствует требованиям ст. 154 УПК РФ.

¹²² См. James Rodgers, BBC News, Moscow, 27 мая 2008 г.; Rossiya TV/Interfax/Russia, 11 июня 2008 г. (<http://home.coe.int/Wires/WiresLectureE.asp?WireID=101800>)

¹²³ Я также побывала на судебном заседании во время первого судебного процесса в отношении тех же подсудимых в 2004 г. (см. Doc. 10368 (2007), пп. 44 и 47).

г.). Однако в отличие от 2003 г. судья позволил мне разговаривать с обвиняемыми в течение десяти минут в начале обеденного перерыва по просьбе адвокатов подсудимых и удостоверившись в моем мандате докладчика Парламентской Ассамблеи. По моим впечатлениям, оба подсудимых были в бодром настроении. Они выразили благодарность за то внимание, которое их дело получило в Парламентской Ассамблее, и свою печаль в связи с страданиями, которые испытывают многие из их бывших сотрудников и юристов, в том числе г-н Алексанян¹²⁴ и г-жа Бахмина¹²⁵. Я заверила их, что в рамках своего мандата я буду продолжать пристально наблюдать за соблюдением европейских стандартов защиты прав человека в том числе и в этих делах.

99. Правовое основание для новых уголовных дел в отношении г-д Ходорковского и Лебедева оставило меня в недоумении. Я хотела бы подчеркнуть с самого начала, что не пытаюсь играть роль судьи – однако я пытаюсь понять рассуждения, стоящие за обвинениями. Согласно принципам справедливого разбирательства, любое обвинение должно удовлетворять минимальным стандартам логики для того, чтобы была вообще возможна осмысленная защита. Конечно, установление лежащих в основании дела фактов и применение закона к этим фактам находится в компетенции судов, как справедливо заметила Генеральная прокуратура в своем ответе на мои письменные вопросы¹²⁶. Однако факты, каковы бы они ни были, должны, по крайней мере, предположительно, составлять состав уголовного преступления, чтобы уголовное судебное разбирательство вообще имело какой-то правовой смысл. Я полагаю, что мой мандат парламентского докладчика распространяется на возможность сделать такую абстрактную оценку. Адвокаты подсудимых подчеркивают принципиально нелогичный характер новых обвинений и неспособность стороны обвинения на данный момент даже идентифицировать какие-либо конкретные действия или бездействие подсудимых, к которым могут быть приложены эти обвинения. Само судебное разбирательство на данный момент состоит в зачитывании, как представляется, в произвольном порядке, коротких отрывков из корпоративных и иных документов без какого-либо обсуждения их значимости даже с точки зрения предъявленных обвинений. Требование г-на Лебедева о том, чтобы «представители прокуратуры объяснили, какие доказательства соответствуют какому эпизоду и обвинению», представляется мне обоснованным, равно как и настоятельные требования адвокатов подсудимых о том, что «документы должны не только зачитываться, но и исследоваться»¹²⁷. Мне представляется, что это должно само собой подразумеваться в любом судебном процессе.

100. Настолько, насколько вообще можно понять, что подразумевают новые обвинения¹²⁸, представляется, что они вступают в противоречие с первыми приговорами в отношении г-д Ходорковского и Лебедева. По сути, первым приговором два бывших руководителя «Юкоса» были признаны виновными в мошенничестве и уклонении от налогов на основании следующих фактов: согласно суду, они искусственно завышали

---

¹²⁴ Один из старших юридических консультантов, работавших в «Юкосе». Он был освобожден из предварительного заключения только после третьего требования, направленного Европейским Судом по правам человека по гуманитарным основаниям (он болен СПИДом, раком и еще несколькими угрожающими жизни заболеваниями, надлежащее лечение которых невозможно в условиях заключения); см. дело Алексанян против России (*Alexanyan v. Russia*, жалоба № 46468/2006), решение от 22 декабря 2008 г., в частности пп. 75-86 о повторном применении Правила 39 Судом.

¹²⁵ Сотрудница правового управления, приговоренная к семи годам лишения свободы за содействие уклонению от налогов; согласно широко распространенному мнению, ее держат в качестве «заложницы» как месть за побег в Великобританию более высокопоставленного сотрудника; она мать нескольких маленьких детей, одного из которых она была вынуждена родить в заключении (см. <http://www.rferl.org/articleprintview/1504658.html>)

¹²⁶ Ответ получен (на русском языке) 1 июня 2009 г.

¹²⁷ См. выпуск новостей ИТАР-ТАСС (Москва) от 2 июня 2009 г. (цитаты из г-на Лебедева и г-жи Москаленко).

¹²⁸ ИТАР-ТАСС (см. прим. 127 выше) цитирует высказывание представителя Генеральной Прокуратуры: «В ходе предварительного следствия было установлено, что подсудимые, действуя в составе организованной группы, состоящей из главных акционеров ОАО «Юкос» и других лиц, совершили хищение путем присвоения акций дочерних компаний ОАО «Восточная нефтяная компания» с 6 ноября по 12 июня 1998 г. на сумму в 3,6 млрд рублей, легализовали похищенные акции дочерних компаний ОАО «Восточная нефтяная компания» в 1998 – 2000 годах на ту же сумму, совершили хищение путем присвоения нефти, принадлежащей дочерним компаниям ОАО «Юкос» в 1998 – 2003 годах, и нефти, принадлежащей компаниям «Самаранефтегаз», «Юганскнефтегаз» и «Томскнефть» ОАО «Восточная нефтяная компания» на сумму, превышающую 892,4 млрд рублей, и легализовали часть этих денег в 1998 – 2004 годах на сумму в 487,4 млрд рублей и 7,5 млрд долларов США».

прибыли торговых компаний, зарегистрированных в областях Российской Федерации с низкой налоговой ставкой, которые не были аффилированы с «Юкосом», однако утверждалось, что они являются компаниями-«пустышками», которые контролировались Ходорковским и Лебедевым. Как утверждалось, все это происходило за счет головной компании, которая была зарегистрирована в Москве, где ставки налогообложения выше и осуществлялось за счет того, что производящие дочерние компании продавали нефть по низкой цене этим торговым компаниям, которые перепродавали ее по (более высоким) ценам, существующим на мировом рынке. Я не хотела бы высказываться по поводу правовых вопросов, которые поднимает этот обвинительный приговор, в том числе и по поводу того, что все ресурсодобывающие компании, судя по сообщениям, использовали ту же самую налоговую «лазейку», которая была закрыта - с приданием обратной силы¹²⁹ – много лет спустя после совершения данных операций, или по поводу избирательного преследования против бывших руководителей «Юкоса»¹³⁰. Однако ясно, что в первом приговоре даже не ставился вопрос о законности извлечения и продажи нефти и распределения прибыли, которая частично реинвестировалась в компанию, а другая часть ее распределялась между акционерами - спор же был о том, действительно ли «Юкос» законно избегал уплаты налогов посредством «оптимизации» или совершил преступное уклонение от налогов¹³¹.

101. Во время своего первого процесса г-да Ходорковский и Лебедев жаловались на параллельное расследование, проводимое Генеральной прокуратурой. В своей жалобе они утверждали, что их должны были уведомить обо всех обвинениях, выдвигаемых против них, самое позднее к началу первого процесса в 2004 г. в соответствии со ст. 6 Европейской Конвенции. Примерно через три года, когда приближался срок, когда они могли получить право на условно-досрочное освобождение, им были предъявлены обвинения в результате этого параллельного расследования. Параллельное расследование, которое касалось связанных обвинений в злоупотреблениях, должно было быть завершено, результаты его оглашены и решение принято о том, могут или должны ли быть предъявлены новые обвинения, до начала первого судебного процесса. Г-да Ходорковский и Лебедев утверждают, что проведение прокуратурой более одного расследования по сути, по одним и тем же предполагаемым фактам злоупотреблений, является неприемлемым использованием судебной процедуры в незаконных целях.

102. Согласно новым обвинениям, г-да Ходорковский и Лебедев обвиняются в присвоении всей нефти, произведенной тремя производственными дочерними компаниями «Юкоса» в течение шести лет; в присвоении акций, принадлежащих одной из дочерних компаний «Юкоса» в одной из производственных компаний и пяти других компаниях; и «отмывании» доходов, полученных от продажи предположительно присвоенной нефти и акций в косвенных дочерних компаниях. Основание «кражи нефти» представляется странным: оно предполагает криминализацию открыто и повсеместно принятой деловой практики, описанной выше, согласно которой «убытки», понесенные производственными дочерними компаниями составляют разницу между роттердамскими спотовыми рыночными ценами, воспринимаемыми торговой дочерней компанией, и более низкой ценой, выплачиваемой добывающей компании; а также криминализацию в качестве «отмывания денег» распределения всей регулярной выручки компании в обычных корпоративных целях (инвестирование и выплата дивидендов, в соответствии с прозрачной и прошедшей аудиторскую проверку финансовой отчетностью)¹³². Обвинению в том, что г-да

¹²⁹ Генеральная Прокуратура в своем ответе на мои письменные вопросы, абстрактно сослалась на запрет придания обратной силы криминализации действий, которые были законными во время их совершения, однако ничего не сказала о конкретном вопросе ретроактивного закрытия налоговой лазейки.

¹³⁰ В этой связи интересно отметить, что Европейский Суд по правам человека в своем решении о приемлемости от 7 мая 2009 по делу Ходорковский против России (*Khodorkovsky v. Russia*, жалоба № 5829/04), также признал приемлемым утверждение о нарушении ст. 18 ЕКПЧ (что подразумевает, что Суд не исключил возможности признать, что арест, содержание под стражей и преследование г-на Ходорковского являются политически мотивированными).

¹³¹ Из-за недостатка места я опустила еще одно обвинение в мошенничестве, нанесшем ущерб предприятию «Апатит».

¹³² Владимир Милов, президент Института энергетической политики и бывший заместитель министра энергетики Российской Федерации, анализирует этот момент следующим образом: «... выводы следствия основаны, в конечном счете, на принципиально неверных посылах о принципах организации современной нефтяной промышленности... Студента-экономиста выгнали бы за такие ошибки». (см. «Вопросы и ответы о втором судебном процессе над Михаилом Ходорковским и Платоном Лебедевым», вопрос 3, опубликованы по адресу:

Ходорковский и Лебедев могли «украсть» нефть или иным образом присвоили активы «Юкоса» для собственной наживы, также, как представляется, противоречит с самого начала посредством сравнения следующих цифр¹³³: с 1998 по 2003 г. «Юкос» зарегистрировал выручку от основной деятельности в размере 55,2 млрд UD; за тот же период компания понесла в том числе 21,8 млрд UD операционных расходов (в том числе на уровне разведывательных и добывающих компаний), 16,9 млрд UD налогов и 9 млрд UD капитальных расходов. Исходя из того, что разница между выручкой и расходами составляет менее 8 млрд UD, каким образом обвиняемые могли «присвоить» для собственной выгоды 25,3 млрд UD¹³⁴? Откуда у них могли взяться эти деньги?

103. В ответ на мой скептический вопрос о том, не может ли здесь быть проблемы, связанной с незаконным ущемлением интересов миноритарных акционеров, мне сообщили, что все споры с миноритарными акционерами были улажены много лет назад, и даже сторона обвинения не утверждает о каком-либо нарушении прав миноритариев. Таким образом, по сути «Юкос», а точнее его высшие руководители, тем самым обвиняются в краже своей собственной нефти и в отмывании денег путем продажи ее на мировом рынке и использовании выручки в обычных корпоративных целях.

104. Второе новое обвинение – присвоение акций и отмывание прибыли – несколько более сложное, однако представляется, что оно точно так же вступает в противоречие с позицией, которую власти занимали ранее. Сторона обвинения утверждает, что обвиняемые присвоили акции, принадлежащие дочерней компании «Юкоса» ВНК – холдинговой компании, которая владела контрольным пакетом в шести компаниях-операторах. Согласно утверждениям обвинения, обвиняемые присвоили акции этих компаний-операторов, ненадлежащим образом заставив ВНК заключить соглашение с «Юкосом» с целью обмена акций «Юкоса» на акции ВНК в ее дочерних компаниях-операторах¹³⁵. Защита подчеркивает, что соглашения об обмене акциями были способом законной защиты активов ВНК (которым угрожал ведущийся в то время судебный процесс, вызванный мошенническими действиями со стороны предыдущего менеджмента ВНК), и таким образом также были в интересах Российской Федерации, которая на тот момент была владельцем 37% акций ВНК. Министру государственного имущества было об этом известно и обмен акциями был им одобрен. После того, как данный спор был разрешен и после интенсивного расследования по факту соглашений об обмене акций «Юкос» и ВНК между 1999 и 2001 гг., Российская Федерация в 2002 г. приняла решение продать «Юкосу» свои оставшиеся акции в ВНК. Защита утверждает, что власти теперь не могут утверждать, что «Юкос» ненадлежащим образом попытался получить контроль за акциями ВНК посредством данных обменов.

105. Помимо их очевидного противоречия с первым приговором в отношении г-д Ходорковского и Лебедева, новые обвинения в присвоении нефти и отмывании денег, как представляется, основываются на тех же самых фактах – добыче нефти дочерними компаниями, полностью принадлежащими «Юкосу», и ее продаже на мировом рынке через головную компанию, которой управляли обвиняемые. Разумеется, приходит в голову правило *ne bis in idem* (ст. 4 п. 1 Протокола 7 к ЕКПЧ), так как новые обвинения как представляется, сводятся к присоединению другой юридической квалификации к тем же самым фактам, а не к преследованию обвиняемых на основании другого набора фактов¹³⁶.

106. Другое связанное с делом «Юкоса» уголовное преследование закончилось приговором к пожизненному заключению, что прошло практически полностью незамеченным широкой общественностью: это дело Алексея Пичугина, начальника

<http://www.khodorkovskycenter.com/newsresources/stories/questions-answers-about-second-trial-mikhail-khodorkovsky-and-platon-lebedev>

¹³³ См. «Вопросы и ответы» (прим. 132 выше), вопрос 3.

¹³⁴ Эквивалент 892,4 млрд рублей, о котором говорил представитель Генеральной Прокуратуры, см. прим. 128 выше.

¹³⁵ См. «Вопросы и ответы» (прим. 132 выше), вопросы 1 и 2.

¹³⁶ В своем письменном ответе от 1 июня 2009 г. Генеральная Прокуратура в абстрактных выражениях ссылается на правило *ne bis in idem*, однако не дает комментария по конкретному вопросу, а именно в связи с тем, что деловые операции, которые рассматривались во время первого процесса, и новые обвинения – по сути одни и те же.

управления внутренней безопасности «Юкоса», бывшего кадрового офицера КГБ и ФСБ. В своем докладе от 2005 г. об «обстоятельствах ареста и уголовного преследования в отношении ведущих должностных лиц «Юкоса», я описала некоторые очевидные аномалии в предварительном разбирательстве в отношении г-на Пичугина, которое тогда только что началось¹³⁷. Я была особенно обеспокоена в связи с информацией, согласно которой г-ну Пичугину угрожали расправой за отказ дать ложные показания в отношении высокопоставленных руководителей «Юкоса», а также о том, что суд над ним будет проводиться в обстановке полной секретности. Я также докладывала о показаниях, данных юристом, действующим от имени человека по фамилии Решетников, которой, по словам его адвоката, был ложно признан виновным в попытке убийства от имени «Юкоса» бизнесмена по фамилии Рыбин, который на самом деле сфабриковал попытку убийства с целью продвижения своих интересов в судебном процессе в отношении «Юкоса» в Австрии. Г-н Решетников был в то время переведен в Лефортовскую тюрьму, где ему предположительно была предложена «сделка» - свобода в обмен на ложные показания в отношении руководителей «Юкоса». По совету своего адвоката, который также рассказал мне о трудностях, с которыми он столкнулся при попытках получить доступ к своему клиенту, г-н Решетников в то время отказался от «сделки»¹³⁸. Во время моего недавнего визита в Москву, молодая женщина, которая представилась «общественным защитником» г-на Пичугина, передала мне документ, в котором сжато излагалось дело ее клиента. Я была весьма ошеловлена, когда увидела, что, согласно этому документу, г-н Пичугин был приговорен в том числе за покушение на убийство г-на Рыбина на основании двух доказательств: показаний г-на Решетникова и написанной от руки записки, найденной в квартире г-на Пичугина, с адресом г-на Рыбина (г-н Пичугин утверждал, что эта записка написана не им, а ходатайство защиты о проведении почерковедческой экспертизы было отклонено судом). Другой проблематичный элемент разбирательства в отношении г-на Пичугина - это то, каким образом свидетельские показания «дополнялись» во второй попытке преодолеть сомнения, которые побудили Верховный Суд отменить первый обвинительный приговор, вынесенный ему 17 августа 2006 г. В действительности в ходе первого разбирательства г-н Решетников показал, что он получил заказ на убийство от г-на Пичугина и г-на Невзлина через ныне покойного посредника. Защита выразила протест против использования таких доказательств, полученных из вторых рук. В ходе второго процесса свидетели внезапно вспомнили, что г-да Пичугин и Невзлин лично присутствовали во время этого разговора. Также в ходе первого процесса, как утверждается, остались неразрешенными противоречия между внешностью темноволосого г-на Решетникова, обвиняемого в осуществлении данного убийства, и многочисленными свидетелями, которые видели на месте преступления светловолосого человека. В ходе второго разбирательства г-н Решетников и другие свидетели обвинения в первый раз вспомнили, что в то время на них были надеты парики из светлых волос.

107. Эти элементы, на которые я натолкнулась более или менее случайно, заставляют меня опасаться, что г-н Пичугин также мог стать жертвой непрекращающейся кампании в отношении всех, кто связан с «Юкосом» и его ведущими руководителями.

HSBC/фонд «Эрмитаж Капитал»

108. Второе симптоматичное дело – это дело «Эрмитаж Капитал», инвестиционной компании, специализирующейся на инвестировании в ценные бумаги российских предприятий. До описываемых ниже событий фонд «Эрмитаж Капитал» был крупнейшим иностранным инвестором на российском фондовом рынке и одним из крупнейших налогоплательщиков в Российской Федерации. Стратегия фонда, принятая им чисто из деловых соображений без какой-либо идеологической или политической подоплеки, включала введение западных методов финансового учета в компаниях, в которые инвестировал «Эрмитаж», и тем самым борьбу с коррупцией. Фонд «Эрмитаж» пал жертвой коррупции и сговора высокопоставленных сотрудников милиции и организованной преступности, что привело к незаконному присвоению («краже компаний») трех из его инвестиционных компаний, владельцем которых был банк HSBC («Риленд», «Махаон» и «Парфенион»), фальсификация задолженностей компания на

¹³⁷ См. Doc. 10368 (2007), пп. 8-10).

¹³⁸ См. Doc. 10368 (2007), п. 49, прим. 9.

сумму в UD 1,26 млрд, и мошенническим образом полученное от российских налоговых органов возврат налогов на сумму в 230 млн UD, которые были выплачены компаниями. «Кража» компаний была осуществлена с помощью оригиналов правоустанавливающих документов компаний, которые были изъяты без надлежащего юридического основания сотрудниками московской милиции во время обыска в помещениях компании. С помощью этих документов были назначены новые директора¹³⁹, которые быстро «признали» вышеупомянутые сфабрикованные претензии¹⁴⁰ – однако законные руководители уже успешно вывели активы украденных компаний за пределы Российской Федерации. Фальшивые директора затем сделали деньги на этой рейдерской атаке на компанию, потребовав возврата выплаченного налога на прибыль, которая, как они сказали налоговой службе, была уничтожена задним числом из-за вновь возникших претензий в отношении компаний. Они получили от налогового ведомства решение о возврате эквивалента 230 млн. у.е. в течение 24—72 часов¹⁴¹. Я не осмелюсь предположить, сколько времени обычно занимает требование о возврате переплаченных налогов даже на гораздо более скромную сумму в Российской Федерации, однако в Германии это было бы делом месяцев, а не часов.

109. Таким образом, пока эта ситуация выглядит как еще один пример «корпоративного рейдерства» (или «враждебного поглощения») в российском стиле, о котором неоднократно сообщалось¹⁴². Однако помимо одного лишь размера компании, ставшей жертвой такого захвата, и его международными последствиями, это дело отличается тем, что, когда руководители фонда «Эрмитаж» /HSBC попытались защитить себя от мошенничества столь крупного масштаба с помощью компетентных органов, они сами стали жертвами систематических карательных мер, которые наверняка осуществлялись при поддержке высокопоставленных сотрудников правоохранительных органов; и эти меры очевидно репрессивного характера осуществляются с применением международных механизмов правового сотрудничества, исследование функционирования которых перед лицом предполагаемых политически мотивированных злоупотреблений входит в мой мандат.

---

¹³⁹ Один из них, в том числе, был ранее осужден за убийство (я получила копии документов, подтверждающих их судимость).

¹⁴⁰ Эти претензии представляются абсурдными с правовой и фактической точек зрения (мне показали подтверждающую документацию).

¹⁴¹ Два заявления о возврате налогов на общую сумму около 1,8 млрд рублей в отношении компании «Риленд» были поданы в налоговую инспекцию № 25 21 декабря 2007 г. и были удовлетворены 24 декабря 2007 г.; пять заявлений в отношении «Махаона» и «Парфениона» на общую сумму в 3,7 млрд рублей были поданы в налоговую инспекцию № 28 24 декабря 2007 г. и удовлетворены в тот же день! Опять-таки я видела документы, подтверждающие это.

¹⁴² См., например, Francesca Mereu, Corporate Raiders use Cash, Friends, in: Moscow Times, 13 February 2008 (текст опубликован по адресу: <http://www.cdi.org/russia/johnson/2008-31-29.cfm>). Статья содержит леденящие душу подробности, см., например, следующие отрывки: «Рейдеры здесь используют свои связи с коррумпированными чиновниками для незаконного захвата предприятий, часто с целью приобретения элитной недвижимости. В число рейдеров часто входят бывшие сотрудники службы безопасности, сотрудники милиции, юристы и лица, имеющие связи с высокопоставленными государственными чиновниками. Ими подкупаются судьи, прокуроры и чиновники всех уровней. Через них рейдеры могут заказать поиск предприятия, собрать информацию о его владельце и сфальсифицировать любые необходимые документы для захвата этого предприятия.

«К сожалению, рейдеры – это люди, которые работают на систему, и через нее они могут сфальсифицировать все, что захотят», – говорит Геннадий Гудков, бывший руководитель рабочей группы, которая отслеживала эту проблему в предыдущем составе Думы.

Не существует точных цифр о том, сколько рейдерских нападений происходит в год. Гудков говорит, что его рабочей группой было зарегистрировано около тысячи случаев год в Москве и аналогичное число в Московской области. Но это, по его словам, «лишь верхушка айсберга». Реальная цифра, говорит он, вероятно, в четыре – пять раз выше. Согласно сообщениям в СМИ, цифра по стране составляет около 70 тыс.

За пределами Москвы и соседней Московской области, любимыми мишенями для рейдеров являются Санкт-Петербург и Ленинградская область. Стоимость недвижимости в этих регионах весьма высока, и конкуренция за небольшое количество недвижимого имущества, которое имеется для законного приобретения, очень жесткая.

Многие бизнесмены, сотрудники милиции и другие должностные лица, которые дали интервью для этого материала, говорили на условиях анонимности, ссылаясь на щекотливость темы и страх возмездия. Бизнесмены также просили не называть названия их бывших компаний. ПО их словам, они не жаловались в милицию, прокуратуру или ФСБ, поскольку были уверены, что у рейдеров есть связи с этими органами. “

110. Г-ну Уильяму Браудеру, гражданину Великобритании, генеральному директору компании «Эрмитаж Капитал», было неожиданно отказано в возобновлении его въездной визы в Российскую Федерацию, несмотря на вмешательство в его защиту на самом высоком политическом уровне¹⁴³. О мошенничестве, совершенное в отношении «Эрмитаж Капитал» было подробно рассказано в жалобах, направленных в Генеральную Прокуратуру Российской Федерации 3 декабря 2007 г., 23 июля 2008 г. и 27 октября 2008 г. По словам юристов, представляющих интересы фонда «Эрмитаж», никакого содержательного ответа на эти жалобы не поступило. Ключевое должностное лицо, в отношении которого были направлены жалобы, само было назначено на ведение расследования в отношении его самого, а отдел Следственного комитета Прокуратуры по Южному округу Москвы вскоре прекратил дело, возбужденное в ответ на жалобы HSBC/«Эрмитаж».

Вместо принятия мер в отношении корпоративных «рейдеров», власти начали запугивать всех адвокатов, представляющих интересы HSBC и фонда «Эрмитаж» в Российской Федерации и преследовать их, проводя милицейские обыски и допрашивая в качестве свидетелей. В частности, независимый адвокат Сергей Магнитский, который помогал выявить факты мошенничества и злоупотребления служебным положением, был арестован 24 ноября 2008 г. и с тех пор содержится под стражей¹⁴⁴; другие были вынуждены искать убежища в Великобритании. Те же самые сотрудники правоохранительных органов, которые в жалобах HSBC/ «Эрмитаж» обвиняются в участии в этом крупномасштабном мошенничестве, сейчас участвуют в преследовании его руководителей и юристов с помощью надуманных обвинений, которые, как представляется, находятся в противоречии с предшествующими действиями органов. По сути, как представляется, власти сейчас обвиняют законных директоров компаний HSBC/ «Эрмитаж» в том, что они сами разработали план «кражи» собственных компаний и признания сфабрикованных претензий с целью обмануть российское государство. Я провела много часов, во время которых адвокаты, представляющие интересы HSBC/ «Эрмитаж», подробно рассказывали мне о деле, а также задавала им вопросы. Я также обратилась с письмом к Генеральному Прокурору РФ и начальнику Следственного комитета, в котором попросила сообщить мне их точку зрения¹⁴⁵. Ответ, который я получила из Следственного комитета, меня не удовлетворил. В частности, заявление, согласно которому было невозможно направить ответ на жалобу, поданную от имени HSBC/ «Эрмитаж», потому что адвокат, подавший жалобу, не сообщил своего адреса, представляется неправдоподобным ввиду важности дела и профессионализма данных адвокатов, со многими из которых я лично знакома. Отрицание участия конкретного должностного лица в расследовании жалоб, в которых он значится одним из подозреваемых, вступает в противоречие с длинным перечнем корреспонденции, связанной с этим делом, на которой стоит подпись этого самого должностного лица. Копии этой переписки были предоставлены мне юристами HSBC/ «Эрмитаж». Ответ, полученный из Генеральной Прокуратуры о том, что данное должностное лицо (в ранге подполковника) не имеет «каких бы то ни было надзорных полномочий», не принес никакой пользы; а утверждения прокуратуры о том, что они не получали жалобы от HSBC, «датированные 3 декабря 2007 г., 27 октября 2008 г. или каким-либо иным числом», заставили меня задуматься о том, не было ли здесь в какой-то момент случайного или намеренного нарушения коммуникации или доставки корреспонденции¹⁴⁶.

111. Конечно, я до сих пор не в состоянии «судить», кто в этой ситуации прав или неправ, и это не входит в цели данного доклада. Однако в свете многочисленных странных совпадений и противоречий, в особенности в том, что касается хронологии событий в связи с защитными действиями, предпринятыми HSBC/ «Эрмитаж», и карательными мерами, принятыми в отношении его руководителей и юристов, и наконец,

---

¹⁴³ В своем письме от 2 мая 2009 г. (копия имеется в материалах) премьер-министр Гордон Браун указывает, что Соединенное Королевство «продолжает высказывать свою озабоченность по поводу дела г-на Браудера, отмечая, что оно может оказать воздействие на уверенность британских и других инвесторов в возможности ведения бизнеса в России, и что, пока идет сложное юридическое разбирательство, важно, чтобы закон применялся справедливо и неукоснительно, что должно быть очевидно».

¹⁴⁴ См. пп. 89-90 выше.

¹⁴⁵ См. п. 66 выше.

¹⁴⁶ Юристы фонда HSBC/ «Эрмитаж» предоставили мне копии квитанций, подтверждающие факт подачи этих жалоб.

в свете полной неспособности правоохранительных органов в течение многих месяцев отреагировать даже на столь крупномасштабное мошенничество, жертвой которой стало в том числе и само российское государство, я не могу не заподозрить, что это скоординированное нападение должно было иметь поддержку высокопоставленных должностных лиц. Как мне представляется, они пользуются в собственных целях непрекращающимися системными слабостями системы уголовного правосудия в Российской Федерации.

112. На мой взгляд, надлежащее расследование этого симптоматичного дела, привлечение к ответственности лиц, совершивших мошенничество, а также сотрудников правоохранительных органов, которые, судя по всему, оказывали им содействие, совершенно необходимо. Это также может стать хорошей проверкой для новых структур, в том числе на разделение полномочий и сферы деятельности между Генеральной Прокуратурой и Следственным комитетом, что должно содействовать расследованию предполагаемых злоупотреблений, совершенных элементами одной структуры, которое будет проводиться сотрудниками другой.

Другие случаи предполагаемого политического вмешательства в процесс уголовного судопроизводства

113. Во время моей встречи со Львом Пономаревым¹⁴⁷ меня проинформировали о нескольких других делах, в которых политическое вмешательство в процесс уголовного судопроизводства представляется весьма вероятным. По соображениям места я могу здесь лишь кратко затронуть эти дела.

114. Дело об убийстве журналистки Анны Политковской, согласно утверждениям адвоката семьи потерпевшей, является примером профессиональной непригодности органов прокуратуры, которые привыкли получать обвинительные приговоры практически по желанию, без необходимости должным образом проводить расследование по делу и представлять суду убедительные доказательства. Это дело, по словам адвокатов, является азбучным примером отсутствия поддержки генеральной прокуратурой в суде дел, расследование по которым проводилось Следственным комитетом, что широко признается как постыдное поражение для обеих структур. Ценное время было потеряно в поисках реальных виновных и заказчиков преступления. Адвокаты родственников потерпевшей почти каждую неделю обращались с просьбами о проведении конкретных следственных действий для того, чтобы избежать утраты доказательств, однако безуспешно. Они также сочли странным, что один из обвиняемых, полковник ФСБ Рягузов, обвинялся не в соучастии в убийстве, а лишь в передаче адреса г-жи Политковской. Возникает вопрос, почему дело в отношении г-на Рягузова велось отдельно от дел в отношении других участников и затем было приостановлено, несмотря на весомые доказательства против него. Важной победой для адвокатов обеих сторон стало публичное проведение судебного разбирательства, которое, по их мнению, позволило всем увидеть, насколько плохо работают следственные органы. Теперь адвокаты опасаются, что без продолжающегося давления со стороны международного сообщества реальные лица, совершившие убийство, никогда не будут найдены, не говоря уже о его заказчиках и организаторах.

115. В своих ответах на мои вопросы, связанные с этим делом, и Следственный комитет, и Генеральная прокуратура утверждали, что ими было собрано достаточно доказательств для вынесения обвиняемым приговоров, и подчеркивали, что во время судебного разбирательства (в том числе в кассационной инстанции), закон запрещает им продолжать расследование с целью усиления их позиции. Поэтому Генеральная прокуратура сочла мой вопрос «в высшей степени неуместным». Я, однако, с этим не согласна: я не спрашивала их, что они делали для сбора дополнительных доказательств против лиц, которые в настоящее время обвиняются в совершении преступления (и которые вполне могут быть невиновными), а что они делают для того, чтобы установить

---

¹⁴⁷ Лев Пономарев стал жертвой зверского нападения по пути домой с нашей встречи. Я публично выразила свой шок, когда еще находилась в Москве, сразу же, как только узнала об этом нападении (см. http://assembly.coe.int/ASP/NewsManager/EMB_NewsManagerView.asp?ID=4527)

настоящего убийцу или убийц, и, что более важно, заказчиков и организаторов этого преступления.

116. Как бывший докладчик по делу Гонгадзе на Украине¹⁴⁸, я не могу не согласиться с адвокатами родственников потерпевшей, что время имеет решающее значение. Ассамблея также должна будет продолжать пристально следить за этим делом.

117. Дело Юрия Самодурова, директора Сахаровского музея, показывает, как злоупотребления системой уголовного правосудия могут представлять угрозу свободе выражения мнения. Г-н Самодуров уже был однажды осужден за организацию художественной выставки, которую испортили рассерженные православные верующие, которых рассердили некоторые из выставленных работ – следует отметить, что санкции были применены к организатору выставки, а не к вандалам. Новая выставка в Сахаровском музее, под названием «Запретное искусство – 2006» демонстрировала работы, относящиеся к советской эпохе, в которых религиозные символы изображались как «антисоветские». Экспозиция в Сахаровском центре подвергает насмешкам советскую действительность, изображая «поклонение» советским символам как если бы они имели религиозный характер. Чтобы избежать любого риска оскорбить чьи-либо религиозные чувства, произведения искусства были закрыты от обозрения стеной, и посмотреть на них можно было только через отверстия в этой стене, до которых можно было добраться, только забравшись на приставную лестницу и через предупреждение – что, на мой взгляд, представляет собой остроумную интерпретацию старинного выражения *“volenti non fit iniuria”* (согласие устраняет противоправность причинения вреда). Тем не менее, некоторые православные верующие забрались на лестницы, заглянули в отверстия и почувствовали себя «оскорбленными» – и начали оказывать давление на Генеральную Прокуратуру, чтобы она возбудила дело в отношении г-на Самодурова. В новом судебном процессе, который начался 3 апреля 2009 г., г-ну Самодурову предъявляются обвинения в «экстремистской деятельности». Это означает, что ему пришлось уйти с должности руководителя Сахаровского музея, чтобы избежать закрытия музея в случае признания его виновным. Максимальное наказание за это составляет пять лет лишения свободы, и само по себе это разбирательство существенно охлаждает атмосферу свободы (художественного) выражения мнения.

118. В своем ответе на мои вопросы по данному делу начальник Следственного комитета указал, что «граждане, придерживающиеся традиционных культурных ценностей российского народа, и в особенности исповедующие православную веру или выражающие предпочтение православному христианству, и большинство посетителей выставки подверглись чрезвычайно серьезной душевной травме при виде экспонатов, наносящих прямой ущерб их личному достоинству и подрывающих их мировоззрение, что представляет собой травмирующее событие и мощный фактор стресса, тем самым причинившие им нравственные страдания и стресс, а также ощущение унижения их личного достоинства».

119. Мне кажется, что «подрыв закрепившегося мировоззрения» составляет часть того, что представляет собой искусство. Правоохранительным же органам в Российской Федерации кажется, что это отягчающий фактор, который оправдывает криминализацию художественного самовыражения. В ответ на замечание, касающееся принципа о том, что добровольные участники не могут утверждать о причинении им ущерба, Следственный комитет заявил, что организаторы выставки злонамеренно эксплуатировали человеческое любопытство, поскольку им было известно, что посетители заглянут в отверстие в скрывающей картины стене не потому, что они согласны или одобряют взгляды художников и организаторов выставки, а просто потому, что они пришли на выставку с базовой целью – посмотреть, что на ней выставляется».

---

¹⁴⁸ См. мой доклад о расследовании преступлений, предположительно совершенных высокопоставленными должностными лицами во время правления Кучмы на Украине: “Investigation of crimes allegedly committed by high officials during the Kuchma rule in Ukraine: the Gongadze case as an emblematic example”, Doc. 11686, а также Резолюцию 1645 (2009) и Рекомендацию 1856 (2009).

120. Генеральная Прокуратура указала, что принцип *volenti non fit inuria* в российском законодательстве не является основанием для непризнания деяния преступным. Хотя, разумеется, во всех правовых системах верно, что некоторые защищенные законом интересы (такие как жизнь и здоровье) не находятся в распоряжении даже самих защищенных лиц, к другим интересам это явно не относится. Если я отдаю какую-то часть моего имущества, то получатель этого дара не является вором. А если я сознательно решаю подвергнуть себя просмотру художественных произведений, которые могут меня шокировать или даже подорвать мое установившееся мировоззрение, я не вправе жаловаться, если именно это и произойдет.

121. Дела двух ученых, которые были приговорены к длительным срокам лишения свободы за нарушение государственной тайны в результате разбирательств, проведенных с очевидными нарушениями, г-на Сутягина и г-на Данилова, были предметом доклада Христоса Пургуридеса, посвященного вопросам справедливого разбирательства в делах, связанных со шпионажем¹⁴⁹. Мои собеседники – Москва – представители неправительственных организаций – призвали меня напомнить, что, несмотря на призыв Ассамблеи освободить этих двух человек, они все еще находятся в заключении, и состояние их здоровья стремительно ухудшается. Я хотела бы повторить призыв Ассамблеи освободить этих двух человек как можно скорее на основании принципов справедливости, а также по соображениям гуманности.

III. Понятие «политически мотивированных злоупотреблений» системой уголовного правосудия и результаты четырех визитов с целью установления фактов.

122. Понятие «злоупотребления системой уголовного правосудия по политическим мотивам» занимает центральное место в данном докладе. Очевидно, что всякое политически мотивированное манипулирование в уголовном деле следует рассматривать как злоупотребление, однако трудность состоит в установлении факта манипулирования как такового (т. е. отклонения от обычной процедуры в связи с внешним вмешательством), а также политических мотивов такого вмешательства.

123. Чтобы выйти за рамки обыкновенных догадок и предположений, необходимо разработать объективные критерии и показатели, которые позволили бы нам сделать выводы относительно наличия или отсутствия политически мотивированных злоупотреблений. Вот некоторые из таких возможных критериев и показателей:

i. Дискриминация

124. Одним из важных показателей наличия злоупотреблений по политическим мотивам может быть то, что некое лицо (политический оппонент или конкурент) подвергается значительно более суровому обращению по сравнению с другими лицами, совершившими те же самые деяния. Суровость обращения может быть отражена в исходе дела, т. е. в наказании, назначенном судом, или в самой процедуре, в том числе в (длительности) предварительного заключения, (отсутствии) соблюдения прав защиты, оказании давления на адвокатов подсудимого, или и в том, и в другом.

125. К сожалению, примеров такой дискриминации (неоправданного различия в обращении) огромное множество в тех делах, которые я изучала в Российской Федерации: поведение органов прокуратуры, описанное в моем предыдущем докладе об уголовном преследовании бывших руководителей «Юкоса»¹⁵⁰, продолжается в новом судебном процессе в отношении г-д Ходорковского и Лебедева¹⁵¹: ни один другой руководитель в нефтяной отрасли в Российской Федерации не обвиняется в присвоении всей нефти, произведенной его компанией, и в отмывании прибыли от продажи, на основании использования той же самой вертикально интегрированной структуры предприятия, которая является стандартной для этой отрасли. Суровость обращения с молодой

¹⁴⁹ Резолюция 1551 (2007) и Рекомендация 1792 (2007); Doc. 11031.

¹⁵⁰ PACE Doc. 10368 <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/WorkingDocs/Doc04/EDOC10368.htm>

¹⁵¹ См. п. 98 и далее выше.

матерью, работавшей в правовом управлении «Юкоса», г-жой Бахминой¹⁵² и смертельно больным юристом г-ном Александяном¹⁵³, - причем в последнем случае было проигнорировано даже несколько требований Европейского Суда по правам человека, - значительно превышает обычные правоохранительные практики. Дело г-на Пичугина, который был вначале приговорен к 18 годам лишения свободы, а потом к пожизненному заключению, после того как первый, обжалованный им приговор был отменен на основании серьезных недочетов следствия и судебного разбирательства, также подпадает под эту категорию¹⁵⁴. Все связанные с «Юкосом» дела также характеризуются чрезмерной длительностью разбирательства и предварительного заключения, а также систематическим запугиванием и преследованием адвокатов и правозащитников, которые осмеливаются перейти дорогу органам власти¹⁵⁵.

126. Злоключения руководителей и юристов фонда HSBC/ «Эрмитаж»¹⁵⁶ - это еще один дополнительный пример. Продолжительное предварительное заключение в чудовищных условиях содержания высокопоставленного независимого адвоката г-на Магнитского, и возбуждение уголовного дела в отношении двух других адвокатов, г-д Хайретдинова и Пастухова, оба из которых были обвинены в использовании подложных доверенностей для того, чтобы продолжать представлять интересы HSBC/ «Эрмитаж» и в отказе признавать «полномочия» новых директоров, назначенных теми, в отношении кого они обратились с заявлениями о возбуждении уголовного дел по фактам «кражи» данных компаний, - говорит само за себя.

127. Я не обнаружила сравнимых по масштабу злоупотреблений ни в одной из трех других стран, которые я посетила.

ii. Публичные высказывания высокопоставленных представителей исполнительных органов о виновности обвиняемых

128. Этот метод оказания влияния на незавершенное уголовное разбирательство до сих пор встречается на удивление часто, несмотря на то, что он довольно груб и легко поддается обнаружению.

129. Несколько примеров этого приводятся в докладе Христоса Пургуридеса по проблемам справедливого разбирательства в делах, связанных с нарушением государственной тайны или шпионажем¹⁵⁷. Другим вопиющим примером является уголовное дело в отношении судьи Савелюка¹⁵⁸.

iii. Плохо определенные или постоянно меняющиеся обвинения

130. Неопределенные обвинения, либо в форме правовой квалификации преступления, в которой обвиняется человек, либо в отношении деяний или других фактов, которые данное лицо предположительно совершило, а также часто меняющийся состав обвинений – после того, как обнаруживается несостоятельность первоначальных обвинений - представляют собой типичные показатели мотивации со стороны обвинения, которые выходят за пределы нейтральной процедуры отправления уголовного правосудия.

131. Доклад Рудольфа Биндига по делу Григория Пасько¹⁵⁹, разгласившего информацию экологического характера, является впечатляющим примером этого, а также дела г-д Сутягина, Данилова, Трепашкина и Моисеева, о которых говорилось в докладе г-

---

¹⁵² См. п. 98 выше, прим. 125.

¹⁵³ См. п. 98 выше, прим. 126.

¹⁵⁴ См. п. 106 выше.

¹⁵⁵ См. п. 86 выше.

¹⁵⁶ См. п. 88 и далее выше.

¹⁵⁷ PACE Doc. 11031 <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/WorkingDocs/Doc06/EDOC11031.htm>

¹⁵⁸ См. п. 73 выше.

¹⁵⁹ PACE Doc. 9926 <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/WorkingDocs/Doc03/EDOC9926.htm>

на Пургуридеса о проблемах справедливого разбирательства в делах, связанных со шпионажем и нарушениями государственной тайны¹⁶⁰.

132. Новые обвинения в отношении г-на Ходорковского и г-на Лебедева также плохо определены: несмотря на постоянные призывы защиты, на сегодняшний день обвинение так и не показало, какие именно факты оно намерено подтверждать какими доказательствами, и каким должно быть их значение с точки зрения уголовной ответственности. Просто утверждать, что г-да Ходорковский и Лебедев присвоили всю произведенную «Юкосом» за данный период нефть, и случайным образом приводя огромные объемы корпоративной документации в качестве «доказательств» не представляется достаточным. Новые обвинения, которые, по сути, касаются тех же самых деловых операций, что и те, которые были предметом первого приговора, также, как представляется, отражают значительное изменение в правовой оценке прокуратуры – от уклонения от налогов на в целом законные продажи до присвоения той же самой нефти. Кроме того, представляется, что обвинение настаивает на соединении этих двух очевидно противоречивых и взаимоисключающих оценок в попытках оставить подсудимых в заключении дольше того срока, на который они были уже осуждены на основании обвинений в уклонении от налогов.

iv. Отсутствие независимости суда или органов прокуратуры

133. Хотя в каждом конкретном деле трудно доказать наличие конкретных инструкций (по печально известным «телефонным звонкам»), определенные структурные проблемы системы уголовного правосудия, связанные с недостаточной независимостью судей и прокуроров, были установлены путем сравнения различных правовых систем. Такая недостаточная степень независимости является необходимым, хотя и не достаточным условием для политически мотивированных злоупотреблений в конкретных делах.

134. Сравнение между британской, французской, германской и российской моделями позволило сделать несколько выводов.

135. Первый из них состоит в том, что действительный уровень независимости системы уголовного правосудия зависит не только от правовых и административных структур, но и (притом в значительной степени) от личности конкретных судей и прокуроров на всех уровнях и от их личного авторитета, мужества и решимости отражать попытки любого политически мотивированного вмешательства. Например, в Великобритании лишь недавно была создана независимая комиссия по назначениям судей, а в Германии до сих пор (хотя я предлагаю некоторые усовершенствования в этом отношении) аналогичный механизм существует только для назначений судей высшего уровня на федеральном уровне. «Общая атмосфера» независимости в судейской среде, поддерживаемая общественным мнением в обеих странах, тем не менее весьма сильна в обеих странах, а также во Франции. В противоположность этому, в Российской Федерации, как представляется, имеются все необходимые правовые структуры, однако на основании рассмотренных выше дел¹⁶¹ у меня сложилось впечатление, что судьи до сих пор подвергаются довольно сильному давлению, которое нарушает их независимость при вынесении решений по конкретным делам и способствует поддержанию рабочей атмосферы, которую можно сравнить с постоянным «испытательным сроком» – карьеры судей и даже просто возможность продолжать работать зависят от того, будут ли они функционировать, как от них ожидается. Если уголовное разбирательство должно почти во всех случаях заканчиваться вынесением обвинительного приговора, – как до сих пор обстоит дело в Российской Федерации, – то полномочия органов прокуратуры – которые пользуются гораздо меньшей степенью независимости от политических органов власти – подвергать людей заключению в действительности являются практически неограниченными.

136. Во Франции баланс между отчаянно независимыми судебными органами, органами прокуратуры, подчиненными строгой иерархии, и адвокатами защиты, роль

---

¹⁶⁰ См. прим. 118 выше.

¹⁶¹ См. пп. 69-76.

которых на следственной стадии весьма ограничена, очень хрупок. Несмотря на то, что на меня произвел большое впечатление авторитет высокопоставленных прокуроров, с которыми я встретила, и их *esprit de corps* как неотъемлемая часть независимой системы уголовного правосудия, может быть необходимо укрепить независимость органов прокуратуры в рамках общего пакета реформ, который в настоящее время готовится, после чего важные функции, которые в настоящее время исполняет *juge d'instruction* (или судебный следователь) могут быть переданы органам прокуратуры. Не менее важной частью этого пакета должно стать укрепление роли адвокатов защиты путем предоставления им большего доступа к материалам дела во время следственной стадии и увеличение имеющихся ресурсов юридической помощи. По этому пути пошла Германия после введения в уголовный процесс большего числа состязательных элементов – хотя ограниченность фондов, выделяемых на юридическую помощь, остается до сих пор не разрешенной проблемой.

IV. Последствия для реализации Конвенций Совета Европы о взаимной правовой помощи и экстрадиции

137. Как было указано в предложении, легшем в основание данного доклада, судебное сотрудничество между государствами—членами Совета Европы, в том числе в вопросах экстрадиции, доказательств и т. п., предусмотренное в соответствующих конвенциях Совета Европы, требует высокого уровня взаимного доверия. Эффективное сотрудничество требует существования сравнимого уровня правовых гарантий независимости и профессионализма во всех участвующих в нем странах.

138. Конвенции о взаимной правовой помощи или экстрадиции устанавливают, что в помощи должно быть отказано, если основанием для преследования является намерение наказания лица в связи с его «расой, религией, национальностью или политическими убеждениями, или... положению этого лица может быть нанесен ущерб по любой из этих причин»¹⁶².

139. Как мы увидели из конкретных примеров, рассмотренных в этом докладе, подобная возможность вовсе не является лишь гипотетической. По моему убеждению, в таких делах, например в тех, которые касаются нынешних и бывших сотрудников и юристов, представляющих «Юкос» или фонд HSBC/ «Эрмитаж», было бы неправильно выдавать человека, которому удалось вовремя покинуть страну. Я испытываю большое уважение к г-дам Ходорковскому и Лебедеву, которые отказались уехать из Российской Федерации, пока еще могли это сделать, и предпочли предстать перед судом, чтобы доказать свою невиновность, несмотря на хорошо им известный риск несправедливого обращения. Однако мы не можем ожидать от всех того же мужества и готовности к самопожертвованию.

140. Форумом, где можно спорить о том, существует ли причина для отказа в международном сотрудничестве, являются суды за пределами государства, в котором предположительно происходит манипулирование системой уголовного правосудия. Хотя государства-участники исходят из предположения, что стороны, подписавшие Конвенцию, действуют добросовестно и в соответствии с ее положениями, сам факт существования положений об отказе в сотрудничестве, таких как процитированное выше, показывает, что это предположение можно опровергнуть.

141. На протяжении последних лет суды во многих государствах – участниках Совета Европы отказывались выдать лиц, экстрадиции которых требовали российские власти – помимо многочисленных дел, связанных с «Юкосом»¹⁶³, эти сомнения распространялись

¹⁶² Например, Ст. 3.2 Европейской Конвенции о выдаче (экстрадиции), ETS No 024.

¹⁶³ Например, решение магистратского суда Боу Стрит (Лондон) от 23 декабря 2005 г. об отказе в экстрадиции г-на Темерко (преемника г-на Ходорковского в управлении компанией «Юкос»); решение Верховного Суда Чехии от 31 июля 2007 г., оставившее в силе отказ суда низшей инстанции в экстрадиции гражданки России – бывшей сотрудницы «Юкоса» (г-жи Выборновой); решение Федерального суда Швейцарии от 13 августа 2007 г. о снятии распоряжения на заморозку активов, связанных с «Юкосом» и о передаче конфискованных документов, в котором суд установил, что «все эти элементы ясно подтверждают подозрение, что это уголовное разбирательство было инспирировано властями с целью подчинения

на беженцев из Чечни, и на мой взгляд, до сих пор являются вполне обоснованными – относительно справедливости разбирательства, которое планируется против них в Российской Федерации. Вполне реальная возможность того, что определенное количество лиц, виновных в совершении серьезных преступлений, могут избежать справедливого наказания из-за продолжающегося недоверия западных судов к российской системе уголовного правосудия¹⁶⁴ должна стать сильным стимулом обеспечить, чтобы коренные причины этого недоверия были устранены за счет подлинного «изменения климата» в российской судебной системе в целом, а не за счет строительства «потемкинских деревень», имитирующих очертания и формы европейских стандартов независимости судебной власти, удачно изложенных в кратком виде Венецианской комиссией по нашей просьбе¹⁶⁵, однако без внедрения их духа.

142. Соответствующие конвенции Совета Европы восходят к периоду, когда между политическими системами государств—участников существовала гораздо большая степень единообразия. Они могут потребовать обновления для того, чтобы обеспечить их эффективность в современных условиях. То же самое относится к существующим механизмам Европола и Интерпола, которые могут нуждаться в реформировании для того, чтобы обеспечить невозможность их использования в целях преследования по политическим мотивам.

V. Выводы

143. Сделанные мною выводы кратко подытоживаются в тексте проекта резолюции (см. часть А выше). Текст начинается с недвусмысленного осуждения всех злоупотреблений системой уголовного правосудия по политическим мотивам и утверждает, что независимость судебной власти является ключом к предотвращению неподобающего на нее влияния. Этот текст, обращенный ко всем государствам – участникам, и в нем напоминаются соответствующие европейские стандарты, представленные Венецианской комиссией. Далее в проекте резолюции кратко излагается ситуация в четырех странах, исследованных в качестве примеров (Великобритания, Франция, Германия и Российская Федерация) и рассматриваются конкретные рекомендации этим странам, направленные на устранение установленных недостатков. В заключение, в проекте резолюции излагаются рекомендации другим органам Совета Европы, а также Европейскому Суду по правам человека, направленные на предотвращение политически мотивированных злоупотреблений системой уголовного правосудия и на укрепление независимости судебной власти.

класса богатых «олигархов» и расправиться с потенциальными или действительными политическими противниками». решение Вильнюсского областного суда от 31 августа 2007 г. об отказе в экстрадиции бывшего сотрудника «Юкоса» г-на Брудно; решение районного суда Амстердама от 31 октября 2007 г. об отказе в признании правомерности процедуры банкротства в отношении «Юкоса» на основании «нарушения фундаментальных принципов справедливого разбирательства»; решение магистратского суда столичного округа Вестминстер от 19 декабря 2007 г. об отказе в экстрадиции г-на Азарова, владельца судоходной компании, предположительно имевшего связи с «Юкосом»; решения суда округа Харью (Эстония) от 27 февраля 2008 г. об отказе в экстрадиции г-на Забелина (который утверждал, что ему пришлось бежать потому, что он отказался дать ложные показания в отношении руководства «Юкоса»); ранее в экстрадиции г-на Забелина из Германии отказал суд в Бранденбурге в декабре 2007 г.; решение районного суда Никосии от 10 апреля 2008 г. об отказе в экстрадиции г-на Карташова, бывшего сотрудника «Юкоса»; решение Верховного Суда Израиля от 14 мая 2008 г. об отказе в экстрадиции г-на Невзлина, бывшего высокопоставленного руководителя «Юкоса», обвиняемого в сговоре с целью убийства; решение Высокого Суда Великобритании от 3 июля 2008 г. об отказе в удовлетворении запроса о проведении арбитражного разбирательства с участием г-на Дерипаски в России вместо Соединенного Королевства, вынесенное на основании близости связей между г-ном Дерипаской и российским государством, в результате чего имеется существенный риск неприемлемого государственного вмешательства в отправлении правосудия; решения магистратского суда столичного округа Вестминстер от 8 и 22 декабря 2008 г. об отказе в экстрадиции четверых российских граждан, чьи дела были никак не связаны с «Юкосом», однако которые имели деловые интересы в поставках нефти.

¹⁶⁴ В конце 2008 г. Генеральный Прокурор РФ передал председателю нашего комитета г-же Дойблер-Гмелин длинный перечень ожидающих рассмотрения запросов об экстрадиции, направленных Российской Федерацией Великобританией, который г-жа Дойблер-Гмелин передала мне с целью подготовки этого доклада. Я намеревалась получить дополнительную информацию о делах, вошедших в этот перечень, и обсудить их на встрече в Генеральной Прокуратуре в Москве, которая была отменена в последний момент.

¹⁶⁵ См. п. 51, прим. 56.

Комитет, подготовивший доклад: Комитет по правовым вопросам и правам человека
Номер документа, присвоенный в комитете: Doc 11404, Reference No. 3385 от 23
ноября 2007 г.
Проект резолюции единогласно принят Комитетом 23 июня 2009 г.